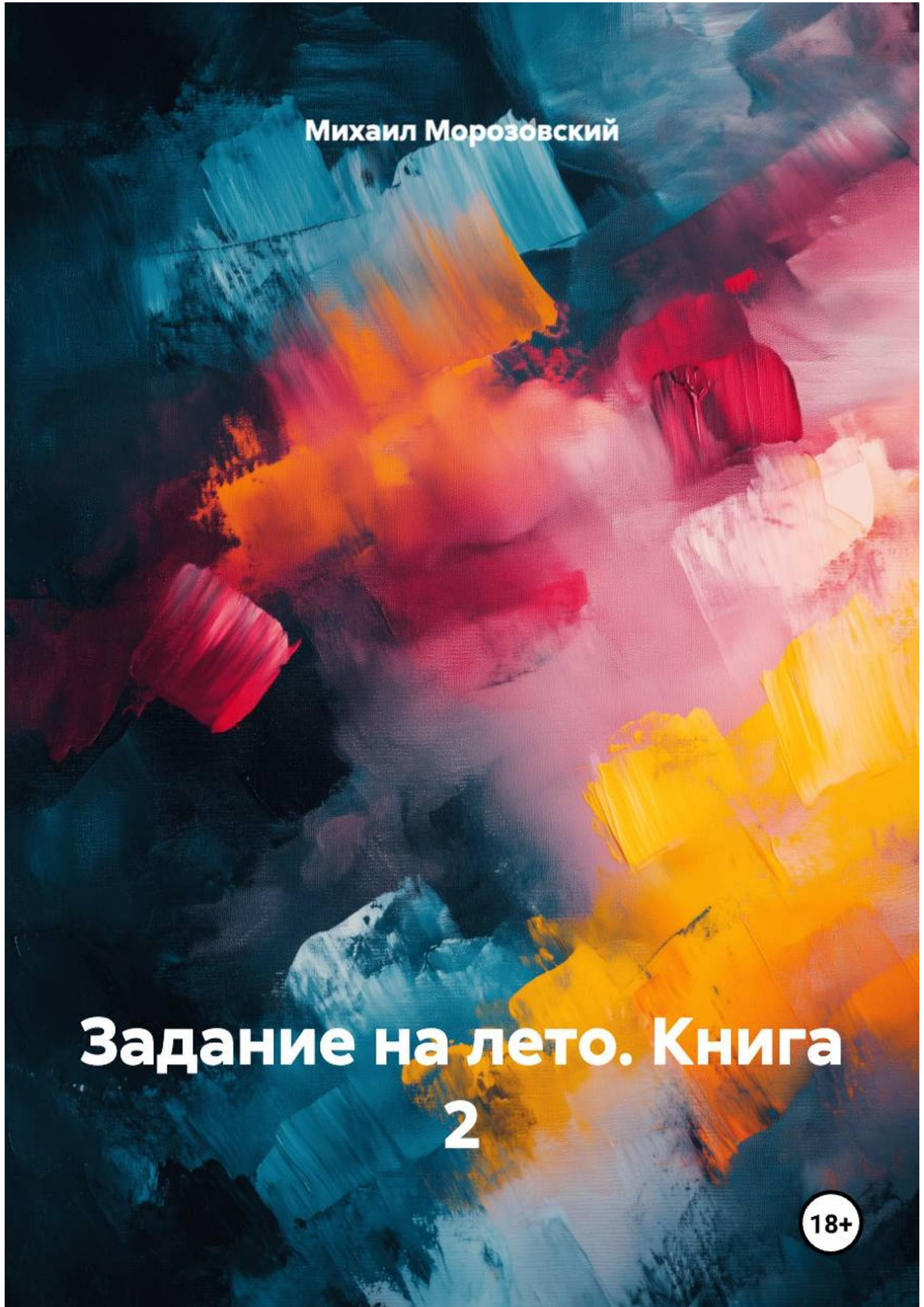
Михаил Морозовский
Задание на лето. Книга 2
18+

Михаил Морозовский

Задание на лето. Книга 2

«Автор»
2026

Морозовский М.

Задание на лето. Книга 2 / М. Морозовский — «Автор», 2026

Вторая книга диптиха «Задание на лето». Середина семидесятых.Недалеко от Новосибирска на берегу Обского водохранилища спустя пять лет снова встречаются уже повзрослевшие мальчишки и девчонки. Новые знакомые, новые встречи, новые события Как изменились те, кому пять лет назад было по двенадцать-тринадцать лет, как изменились их интересы, их взгляды - всё это можно узнать, прочитав вторую книгу диптиха «ЗАДАНИЕ НА ЛЕТО».

© Морозовский М., 2026
© Автор, 2026

Михаил Морозовский
Задание на лето. Книга 2

Михаил Морозовский

ЗАДАНИЕ НА ЛЕТО
(повесть)

Книга вторая

Глава первая

ЭКЗАМЕН

Наконец-то распогодилось и мелкий моросящий дождик, что полировал улицы несколько дней подряд, уступил место яркому солнцу. И хотя по небу местами ещё скользили небольшие серо-белые облака, дышалось по-весеннему, но тёплую осеннюю курточку всё же ещё лучше было не снимать.

1.

Сегодня у Михаила последний экзамен – специальность.

Он подошёл к Пермскому музыкальному училищу заранее, и пока оно ещё не открыто, присел на несколько неряшливый, собранный из разных обрезков ржавых труб, но уже свежевыкрашенный забор, что недалеко от входа в училище.

Вроде и греет солнышко, а у него – лёгкий озноб. Непривычно сдавать экзамены в одиночку, но так уж получилось, что на семейном совете решили: именно ему ехать в Новосибирск, помогать деду, а уж потом, когда отца отпустят с работы, он подъедет на смену. Бабушка Валя умерла…

Дед Семён, её муж (отец матери Михаила), еле ходит после операции, передвигаясь, когда на костылях, а когда боль немного отпускала – с палочкой в правой руке.

Уж что только не делали врачи, да и бабки-знахарки смотрели, ан нет – многолетняя работа в кузне дала о себе знать: спину он всё же сорвал, а уж потом и ноги стали плохо слушаться.

Михаил мысленно переносится в небольшой бревенчатый домик почти на окраине улицы села Боровое, что расположилось недалеко от Обского моря, рядом с сосновым бором, в пятидесяти километрах от Новосибирска. Здесь он в детстве провёл два лета подряд.

Вот дед подъезжает на своём синем мопеде «Рига-1», ставит его перед деревянными, потемневшими от времени высокими воротами, снимает серую кепку и осматривает улицу:

– Миша, ты где? – чуть хрипловатым голосом кричит он.

Мишка, Колька и Витька в это время ловят стрижей на ниточку с пушком на одном конце и с грузилом из свинца на другом.

– Энто ты для этого у меня свинчатку просил? – чуть недовольно, но всё же с улыбкой, говорит дед подбегающему Мишке.

– Деда, да мы так, немного словим, а потом отпускаем, – оправдывается Мишка, вскакивая на ещё горячий, пахнущий бензином мопед.

– А говорил – на рыбалку надо!

– А на рыбалку мы потом пойдём, дядя Сеня, завтра с утра, – говорит подошедший вразвалочку Колька. – А сегодня у нас соревнования, кто больше словит.

Колька старше Мишки на один год и уже учится в третьем классе. Дом его вон там, за тем палисадником с тремя пирамидальными тополями, что одним забором примыкает к дому деда. Витька, брат Кольки, младше его на три года, чуть запоздал и, подбежав, сразу выпалил:

– Здрастье, дядя Сеня!

– Ну-ну… Сейчас машина с дач подойдёт, далеко не убегай. Мать приедет, – говорит дед, открывая за железное кольцо небольшую калитку, что спряталась с правой стороны ворот.

– Птицу-то потом выпустите, не изгаляйтесь, нече животину мучать, – уже закрывая калитку, ворчит дед.

– Ух ты, ребя, машина с дачи приедет! – вскрикивает Мишка, не совсем ловко соскальзывая с высокой коричневой сидушки мопеда. – А давай мы стрижей ещё наловим и выпустим их в кабину машины, она поедет, а стрижи вылетят – вот потеха будет!

2.

За спиной Михаила скопившиеся на красный свет машины тронулись, и улица снова опустела, только выхлопные газы, легко пощекотав нос, быстро рассеялись в свежести утра.

Все остальные экзамены он уже сдал экстерном, но главным всё же оставался этот. Михаил немножко нервничает от безделья. Программа, что он собирается сегодня играть, сложная, и подгонял он её, форсируя, занимаясь по много часов, точнее, всё свободное время, и поэтому чувствовалась и небольшая усталость, и лёгкая неуверенность - всё уже вроде бы и готово, но не обыграно, словно свежий хлеб с печи, ещё не остывший, ещё не осевший.

Высокая деревянная входная дверь в училище нехотя, с лёгким скрипом, открывается, и на приступке появляется вахтёр тётя Валя, дымящая смятой с краёв папиросой. Она, медленно поворачивая голову, будто осматривает незнакомую ей улицу, упирается взглядом в Михаила:

– Ты уже здесь? Что ж так рано? – хриплым прокуренным голосом, без эмоций спрашивает она, распахивая дверь шире.

Михаил быстро прошмыгивает в открытую дверь, на ходу бросая:

– Здрасьте, тёть Валь… Экзамены.

– Какие ещё экзамены? Сессия через месяц начнётся! – слышит он сзади себя скрип закрывающейся двери и чуть раздражённый голос тёти Вали.

На втором этаже безлюдно и необычно тихо. Все классы закрыты.

Михаил быстро расчехляет баян и начинает разыгрываться. Пустой коридор гулко отзывается на первые ноты. Только пальцы коснулись кнопок баяна, и уверенность возвращается к Михаилу.

А через час, когда студенты уже собрались на первую пару, он был готов сдавать экзамен, и ему хотелось только одного, чтобы тот прошёл как можно скорее.

Подошёл однокурсник Игорь Путилов, что учится в параллельном потоке, у него раньше всех появилась мужская высокая причёска, и уже проглядывали чёрные усики:

– Спецуху сдаёшь?

– Угу… - буркнул Михаил. Вступать в разговоры перед экзаменом ему как-то не хотелось.

– Ладно, настраивайся, наши на литру пошли, – бросил Игорь, дружески пожав руку Михаилу.

А ещё через час Михаил будет нервно смотреть на дверь, что ведёт в предбанник народного отделения в ожидании выхода кого-нибудь из экзаменационной комиссии – ждать оценки.

Первым вышел его шеф, Юрий Николаевич, на ходу махнув Михаилу, чтобы тот не вставал, подошёл сам и присел в свободное кресло рядом. Старые деревянные театральные кресла сильно заскрипели и, чуть качнувшись, обрели равновесие:

– Сейчас ещё немного подожди, выйдет Мария Дмитриевна, хочет с тобой поговорить.

Мария Дмитриевна – заведующая методическим объединением, и разговора с ней стараются избежать все народники, хотя сама по себе она женщина улыбчивая и приветливая, и всегда у неё при встрече находится для студентов доброе слово. И всё же «методобъединение» –словосочетание в училище страшное. Вызов на него ничего хорошего не предвещает.

– Что случилось? – неуверенно спрашивает Михаил.

– Ничего, просто предложение к тебе есть, а уж позже я подойду и договорим. Лады? – Юрий Николаевич встаёт, хитро улыбается своей лучезарной улыбкой, и Михаил, в который раз думает о том, что студенты несправедливо считают его очень злым и чрезмерно требовательным преподавателем, сдирающим по три шкуры с их брата-студента, а на самом деле он – нормальный мужик!

Мария Дмитриевна вышла минут через двадцать и сразу направилась к Михаилу. Всё это время ему было чуть не по себе: что это ещё за номер, что такое сегодня случилось, почему до сих пор не говорят оценку и почему методобъединение что-то там решает?

Снова скрипнуло кресло, и Мария Дмитриевна, присев, коснулась его руки:

– Миша, прими мои соболезнования… - она выдержала паузу и, ещё раз коснувшись его руки, продолжила:

– То, что ты сегодня сделал, многие из выпускников не сыграют, возможно, никогда. И то, что тебе удалось подготовиться практически на два месяца раньше – это говорит о многом. С такой программой можно поступать в консерваторию.

Она снова выдержала паузу, и на её лице появилась улыбка, которая сильно смутила Михаила, и он, покраснев, опустил взгляд.

– Ну, засмущался! – ещё больше улыбнулась Мария Дмитриевна, и уже сняв свою руку с руки Михаила, продолжила. – Мы тут экстренно собрали методическое объединение и рекомендовали тебя на поступление в консерваторию, через полчаса спустись к секретарю в учебную часть, там уже всё будет готово. Ты сейчас в Новосибирск?

Михаил молча кивнул.

– А отец, когда он приедет?

– Его недели через две-три отпустят с работы, а маме нездоровится, она только выписалась из больницы и пока ей тяжело ходить, - почти скороговоркой выпалил Михаил.

– Понятно, – тихо сказала Мария Дмитриевна, веко у неё дёрнулось, и снова наступила пауза. Видно было, что она о чём-то сильно задумалась.

– А в какую консерваторию будешь поступать? – прервала она молчание.

- В Новосибирскую, - почти не задумываясь, выпалил Михаил.

- А почему не в Свердловскую или Ленинградскую? Там очень сильные народные отделения! – чуть удивлённо спросила Мария Дмитриевна.

– Так я ж там родился, а в консе, вернее, в музыкальной школе при консерватории, я уже учился, знаю её! – улыбнулся Михаил.

– Ладно, куда поступать вы решите с Юрием Николаевичем, - медленно поднимаясь с кресла, сказала она.

– Так я ж только второй курс закончил? – удивился Михаил, поднимаясь с ней вместе.

– А больше тебе здесь делать нечего. Как свои дела решишь в Новосибирске, мигом в консерваторию на прослушивание.

Она ещё раз пожала ему руку и, медленно повернувшись, пошла по коридору. Михаил про себя отметил, что одно плечо у неё последнее время стало заметно ниже другого, и правый глаз чаще щурился, слегка подрагивая веком. Это у неё случилось ещё в прошлом году после смерти матери.

– А оценка какая? – растерянно спросил он Марию Дмитриевну, уже спускающуюся по широкой лестнице, ведущей на первый этаж. Как раз в это время зазвенел звонок на перемену.

Из разных аудиторий в коридор, как горох, посыпались суетливые студенты. Коридор зароился ульем и утонул в их шумной болтовне.

За этим гомоном Мария Дмитриевна, так и не услышав вопрос Михаила, повернула на другой лестничный пролёт и, слегка прижимаясь к стенке, дабы уступить место вечно спешащим юношам и девушкам, медленно спустилась на первый этаж.

– Ну что, сдал? – раздался голос однокурсницы Елены Еговкиной, незаметно для Михаила подошедшей сзади.

– Привет, Лен. Не знаю ещё, оценку не говорят, – пожал плечами Михаил.

– Ладно прибедняться. У тебя единственного за три сессии по спецухе одни пятёрки, - высунула язык Ленка и, не дожидаясь ответа, тоже побежала куда-то вниз.

Михаил вновь присел на стоящие у стены кресла и только теперь отметил, что он как-то выпал из этой повседневной суеты. Ему уже некуда спешить, вот только дождётся оценки и…

– Да когда ж они?! – вырвалось у него вслух.

3.

Снова прозвенел звонок, и коридор опустел. Почти тут же вышел Юрий Николаевич и позвал его в класс.

– Всё уже знаешь? – спросил он его.

– Да, Мария Дмитриевна рассказала.

– Вот и лады… - он немного помолчал, опустив низко голову. - Куда будешь поступать?

– В Новосибирск.

– Что так? – быстро подняв голову и, взметнув густые брови, спросил Юрий Николаевич.

И Михаил снова стал долго объяснять, что он там уже учился, и там его родной город. И чем больше говорил Михаил, тем ниже опускалась голова преподавателя.

– Коль решил – действуй, - пожав руку и чуть-чуть улыбнувшись, сказал Юрий Николаевич, – но лучше Свердловск или Ленинград, там тебя уже знают…

– А задание? – удивлённо спросил Михаил.

– Какое задание? – ещё более удивившись, сказал Юрий Николаевич в тон Михаилу, при этом также как Михаил, широко раскрыв глаза, и лишь спрятанная в уголке рта улыбка, говорила о наигранности его вопроса.

– На лето!

– Ах, на лето… Ну, коли поступишь, то преподаватель у тебя будет уже другой, так-то. Да, спустись в учебную часть к секретарю, там направление от училища тебе сейчас готовят, – он вновь опустил голову, сделав несколько коротких кивков и пожав на прощание руку Михаила, вышел из маленького класса, где у них проходили индивидуальные уроки по специальности, так больше ничего не сказав.

Дверь за ним закрылась, стало тихо и одиноко.

– Переживает, – подумал Михаил, подходя к небольшому окошку, что выходит на торец огромного здания исполкома, и тут же вспомнил, что так и не узнал про свою оценку.

На стареньком, небольшом, видавшем виды письменном столе, стоящим рядом с окном, лежит его раскрытая зачётка. В графе «специальность» стоит оценка «пять», в скобочках прописью – «отлично» и размашистая подпись Юрия Николаевича.

На память приходит один из уроков по специальности, что неожиданно из рядового превратился в открытый, и тогда в эту маленькую комнату вдруг навалилась куча преподавателей.

На первом курсе у него был другой шеф – Валерий Николаевич (вот в кого Михаил был практически влюблён и доверял ему безоговорочно) и тот, широко улыбаясь и чуть игриво обращаясь к вошедшим преподавателям народного отделения, тогда сказал:

– Вы посмотрите, что он вытворяет!

И уже к Михаилу:

– Давай с выхода на пассажи и пассажи с кодой!

Михаил проигрывает большой, сложный технически отрывок пьесы.

– А?! – смотрит, улыбаясь, на вошедших Валерий Николаевич.

– Ну так никто не играет! Так невозможно, вроде, как и неправильно! – говорит чуть растерянно один из них, а сегодняшний его шеф Юрий Николаевич, почесав уже лысеющий лоб, просит ещё разок прогнать это место.

– Непонятно, как он это делает, – говорит он после очередного проигрывания. – Ну точно – так не играют, не должно получаться.

– Вот! А у него получается! – подскакивает Валерий Николаевич.

– Надо переделать, – говорит Юрий Николаевич, - сменить аппликатуру и потом…

– Ни-и-и, – тянет Валерий Николаевич, – и при этом машет руками, мол аудиенция закончена, - пусть так чешет, ведь звучит же, да ещё как звучит!

Всё это время Михаил стоит с открытой зачёткой, откровенно радуясь сегодняшней оценке и лишь потом, глубоко вздохнув, аккуратно закрывает её, засовывает в глубокий нашивной карман чехла баяна и не спеша ещё раз оглядывает учебный класс, как будто прощаясь, а потом быстро взваливает баян в стареньком самопальном чехле из утеплённого непромокаемого брезента цвета выцветшего хаки себе на правое плечо и, уже не оглядываясь, спускается в учебную часть.

Секретарь, глянув на него поверх очков, кивком направляет его в кабинет директора училища.

Большая тяжёлая дверь, обитая чёрным дерматином, чуть чмокнув воздухом, открывается бесшумно. За большим письменным столом, заваленном бумагами – Тарас Петрович.

Увидев Михаила, он, чуть помолчав, пристукивает одновременно двумя руками по столу, поднимается, берёт с правого угла большого стола две бумажки, скреплённые канцелярской скрепкой в левом верхнем углу, и протягивая Михаилу, говорит:

– Ну что, старый знакомый. Желаю тебе успеха! Да, сейчас у секретаря заберёшь ведомость, отнесёшь в бухгалтерию, там тебе премию выписали, получи, в дороге пригодится! – улыбается он, крепко пожимая руку Михаилу.

– Премию-то за что?

– За лауреата!

Домой он добирался на автобусе, битком набитым пассажирами, так что с баяном было и не пройти - пришлось потолкаться и выслушать несколько колких замечаний. Старый автобус со скрипом тронулся с места и медленно поплёлся по разбитой асфальтовой дороге, звеня всем своим изношенным металлическим телом на ухабах.

– Всё, завтра в Новосиб, – успел подумать Михаил и задремал, плотно зажатый с боков другими пассажирами…

Глава вторая

ЗАПИСКА

Утро выдалось что надо – солнышко сквозь сосны за окном уже поднялось, и слегка поблёскивало остатками росы на изумрудной, густой траве. Далеко не всегда такое в Перми: чаще – моросящий дождь и низкие тёмные, неприветливые облака. А сегодня ни облачка – голубое, глубокое небо… Ни ветерка...

Кроны сосен замерли, будто на фотографическом снимке, и если б не белая тонкая полоса от реактивного самолёта, что тянулась там, в запредельной высоте уже на добрую поло-

вину неба, можно было бы подумать, что мгновение действительно остановилось, замерло в ожидании нового…

1.

Новым на кухонном столе была записка.

Вчера Михаил забыл сдать зачётку и поэтому ему ранним утром пришлось ещё раз смотаться в училище, а вернувшись домой он уже никого и не застал.

Так сложилось, что последнее время Михаил почти не общался с матерью, да и отец говорил с ним крайне редко. А уж после переезда из района Голованово в центр Перми и вообще стало невмоготу.

Тогда Михаил намекнул, что у него через неделю сдача специальности и руки надо бы поберечь, а мать прямо вспыхнула, очень рассердилась и ответила, что на грузчиков денег нет и таскать вещи со второго этажа в машину, а потом на третий будут они с отцом – без вариантов.

А началось всё это где-то с полгода назад, практически с пустяка.

Михаил, как всегда, поздно вернулся из музыкального училища – последняя пара заканчивалась аж в двадцать часов, затем ещё пятнадцать минут до вокзала, а там, если повезёт, тридцать - сорок минут на электричке до Голованово и ещё минут пятнадцать пешком от станции, что расположилось на самой окраине Перми, врезавшись в тайгу.

Молодцы строители – не тронули в микрорайоне ни сосен, ни берёз, дома прямо вписали в лесной массив. Асфальтированные тропинки здесь тоже радуют душу - слегка петляют, огибая могучие стволы вековых сосен, пахнущих свежей смолой.

Бросив портфель, Михаил с порога крикнул:

– Ма, я в ДК – заниматься на фортепиано.

Фортепиано у них не было, и отец ещё год назад договорился с директором Дворца культуры, что Михаил будет вечерами приходить заниматься на фортепиано в свободной аудитории.

– Опять убегаешь, нет, чтоб по дому помочь, из сил уже выбилась, прибирая за вами?! – услышал Михаил строгий голос матери, уже закрывая входную дверь.

Через десять минут вахтёр Дворца культуры вручил ему ключ от свободной аудитории. Во дворце было шумно: сновала молодёжь, за дверью одной из аудиторий слышно было, как настраивается, модный в то время ВИА, а на сцену большого зрительного зала перетаскивают какие-то декорации…

Время у Михаила в обрез, долго не постоишь, не посмотришь – сорок пять минут на разучивание новой пьесы и ещё десять минут чтобы вернуться домой. Здесь, дома, его ждал баян и новая, очень сложная программа – его первое переложение фортепианной пьесы и виртуозный парафраз «Утушка луговая», что обязательно надо было разыграть к годовому экзамену по специальности. Остальные пьесы не были столь сложны, и Михаил за них не переживал, вот разве что тремоло мехом в одной из них всё ещё не звучало так идеально, как ему хотелось бы. Вот это-то тремоло и стало в тот вечер причиной затянувшийся ссоры.

- Опять рвёшь мех! – резко открыв дверь кухни, громче обычного сказала мать, а потом перешла на крик. - Отец, ты глянь, мы ему новый баян купили, последние деньги отдали, а он что делает – инструмент портит!

А дальше – понеслось. Никакие объяснения Михаила в тот вечер не принимались: ни то, что это такой приём игры, ни то, что так их учат, ни то, что это не вредит инструменту… Дело дошло до того, что отец вытащил ремень из штанов, и высоко поднял руку, которую в тот вечер Михаил и перехватил:

- Всё, пап, больше бить себя не дам! – на низких нотах, упрямо смотря в глаза отцу, с какой-то злой радостью и уверенностью сказал он тогда.

Лучше б его выпороли...

Тогда, зимой, с ним перестали разговаривать и мать, и отец. В течение долгого времени они даже не отвечали на его: «Ну, я пошёл в училище» или «Здрастье, я уже дома». Ни слова. Утром на столе – завтрак. Вечером – ужин. Всё…

В тот год Михаил сильно заболел, и болезнь эта долго ещё его не отпускала.

Лишь после этого дома несколько смягчились, но всё равно в присутствии Михаила наступала гнетущая тишина, и все в доме начинали разговаривать односложно. Отец, бросивший после войны курить, тайно от всех смолил папиросы в туалете, старательно пряча бычки. Бабка Наталья (мать отца) зло шипела из-за дверей своей комнаты, поминая всех святых и сплёвывая ему вслед.

Пришла весна, а с ней и пора подготовки к годовым экзаменам, а с ними и телеграмма из Новосибирска о том, что бабушка Валя умерла. Это известие несколько выровняло отношение к Михаилу, но прежних добрых, доверительных отношений так и не стало.

Вечером, уже после переезда из Голованово в Пермь, на семейном совете решили, что в Новосибирск к деду поедет Михаил, почему именно он, Михаил тогда так и не понял. Его радовала эта поездка в родной город и возможность увидеться со старыми друзьями. А ещё его тайно радовало, что он вырвется из этой гнетущей атмосферы, что так надоела последнее время и начинала сильно его раздражать.

Трудность была только в одном – ему было необходимо экстерном сдать все годовые зачёты и экзамены, а до конца сессии ещё как до Парижа!

Форсируя все возможные сроки, он подгонял программу, часто оставаясь на ночь в училище. Спал там же, на столе в одной из аудиторий по два-три часа. Последнее время голодал, откладывая по рублю в день на поездку в Новосибирск, так как понимал, что вряд ли ему выделят много денег – мать при каждом удобном случае упрекала его в том, что он вместе с переездом в Пермь уволился из музыкальной школы в Голованово, а в Перми так и не устроился на работу, а денег в семье почему-то вечно не хватало…

2.

Михаил поднял со стола четвертушку линованного листа из школьной тетради, где каллиграфическим подчерком, со всевозможными красивыми завитушками отец написал:

«Билет на поезд на столе. Под ним – пятьдесят рублей. С Ксенией Ефремовной мы договорились, она возьмёт тебя на работу на детские дачи в Боровом, будешь играть детям на баяне. Приедешь, позвони ей. Деньги не транжирь. Когда устроишься работать, тридцать рублей оставь деду на продукты. Я приеду, как получу отпуск, но не раньше десяти дней. Скажи деду, что с квартирой вопросы все решим, а его заберём к себе. Удачи…»

Михаил поднял билет, под ним лежали пять старых рыженьких десяток.

Утро заканчивалось быстрыми сборами в дорогу.

Зачехлив баян, он сунул туда пачку печатных нот и толстенную рукописную нотную тетрадь.

В приоткрытом чемодане, что стоял в зале у изголовья раскладного кресла, он увидел аккуратно сложенные ему в дорогу матерью вещи. Рядом старая, из цветной капроновой сетки, с колючими углами, хозяйственная сумка, с которой он постоянно бегал в магазин за продуктами. В ней – аккуратные свёртки из серой упаковочной бумаги и бутылка «Буратино». Сетку Михаил не любил. Она постоянно цеплялась за штаны и оставляла на них потёртости. Продукты переложил в серую холщовую сумку, что купил сам не так давно, на которую трафаретом, вырезанным им же из тонкого картона, была нанесена надпись: «ПМУ. ОНИ. 1975».

Собрав постель, сложив кресло и застегнув чемодан, он вышел в прихожую, присел на небольшой приступок вешалки и, проверив карманы, все ли документы на месте – замер. Потом встал и… снова присел – время до поезда оставалось с лихвой, можно не торопиться.

3.

Здесь они живут всего дней десять, правда, все вещи уже на местах, стены побелены, окна покрашены – это первый ремонт, от которого его из-за сдачи экзаменов экстерном освободили, но ему тоже пришлось повозится, разгребая мусор, что остался от старых хозяев.

Он помнит, как от него шарахнулась проходящая мимо мусорки бабка, когда он выбрасывал в неё два огромных прозрачных десятилитровых мешка с тараканами.

– Ох, батюшки, это ж что такое – тараканы что ли? – ахнула она, закрывая рот рукой. – Эт что, с нашего дома?

– Да, вон из той квартиры, – показал Михаил на окна третьего этажа.

– Те, что вчера уехали? Да что ж они их годами копили что ли? – крестясь на ходу, зашаркала ботами бабка, спешно покидая место, где, по её словам, диавол спустился на землю.

Так что и этот переезд лёгким назвать можно было с большим натягом, хотя перебрались они всего за один день - рекорд для них.

Уже этим же вечером мать опять ворчала, что Михаил не ценит их заботу, мол, именно из-за него они переезжают, чтобы ему было удобнее ходить в училище, но что-то Михаил последнее время в это уже не верит, уж больно часто у них случаются переезды, и всё меньше и меньше у него друзей на новых местах, а здесь – так и совсем ни одного знакомого. Тоска зелёная… Да и добираться до училища отсюда приходиться на перекладных, а потом от автовокзала ещё и идти пешком до училища, таская баян на плече – получается минут на пятнадцать дольше, и ходить больше…

За окном протрещала сорока, загалдели испуганные кем-то воробьи и стаей пронеслись мимо кухонного окна. Михаил увидел, что забыл закрыть форточку, быстро поднялся, прошёл на кухню, хлопнул форточкой, обернулся на газовую колонку, потом на плиту – всё выключено, можно ехать…

– Нет, тут причина другая, – думает Михаил, открывая двери. – Бабку Наталью дожидаться не буду, у неё ключи есть. Небось, опять пошла в соседний двор к своим новым знакомым.

Да, вот у кого жизнь вольготная, поела, поспала, изредка покрутила ручку своего «Зингера» и на двор – играть со своими подругами в карты. Бабка всегда проигрывала, при этом никогда не сердилась и, улыбаясь, говорила: «Опять проиграла! Что с дуры возьмёшь».

Вроде и добрая, но как ущипнёт сзади – всегда до крови!

Ветерок почти просушил асфальт, но луж налито прилично.

Так перепрыгивая через небольшие лужицы, в которых отражалось солнечное небо и, не Бог весь откуда уже появившиеся серо-белые низкие облака, Михаил довольно-таки бодро побежал на остановку.

Там его ждут детские мечты…

Здесь его просто терпят…

Глава третья

В ПОЕЗДЕ

Прошёл быстрый летний дождь, что лишь слегка смочил асфальт, сделав его смолисто-чёрным и по-городскому пахучим.

На вокзале мусорщик метлой загнал последние соринки в большущий совок и высыпал их в здоровенную корзину на колёсиках.

Солнце уже перевалило за зенит и на него можно было смотреть, не прикрывая лицо ладонью, чуть прищурившись. Воздух за день прогрелся, и пришло время скинуть курточку…

1.

Узнав всё об отправлении своего поезда, Михаил, сдав вещи в камеру хранения, решил пешком прогуляться до училища, попрощаться с однокурсниками, да и с городом, ведь возможно, что он сюда уже больше не вернётся.

Новые ощущения, что пришли к нему этим утром, усилились. Впервые он едет в другой город самостоятельно! Впервые на вокзале он будет один, и его никто не будет провожать!

Минут за тридцать он добрался до места. Здесь с однокурсником Олегом Здоровенко, что решил сбежать по такому поводу с уроков, они договорились заглянуть в музей деревянных фигур. К ним присоединилась Елена Еговкина, положительно смотрящая на маленький отпуск перед большой сессией. Затем они сходили в кино и почти до вечера просидели в парке, болтая о пустяках.

А в девять вечера Михаил приехал на троллейбусе на железнодорожный вокзал и присел на деревянную скамейку недалеко от центрального входа. Стал ждать объявления на посадку. Проходящий скорый «Ленинград-Новокузнецк» задерживался на час. Можно было, никуда не торопясь, спокойно помечтать. Но мечтаний не получилось, а вместо этого пришли картинки из прошлого и сразу так много, что одна стала теснить другую, слегка путаясь…

Первая, как они с родителями ещё неделю жили в Новосибирске на вещах. Билеты на поезд до Ташкента было не достать. Был октябрь, они только что справили его день рождение, и к большой радости Михаила, к ним в гости приехали Ксения Ефремовна с мужем, с дочерью Ольгой и сыном Михаилом, его тёзкой. Больше всего он был рад Оле!

Они вышли с ней на заснеженный балкон пятого этажа и долго болтали, пока их не заставили вернуться в тёплую квартиру. А вот о чём они тогда говорили, Михаил так не пытался вспомнить, так и не вспомнил. Но вспомнил то чувство тревоги и близкого расставание с дорогим ему человеком. Вспомнил и то, что так и не решился взять её адрес, чтобы писать письма.

А дальше была суета сборов, погрузка контейнера, пустая квартира с несколькими громадными тюками со спальными принадлежностями и кучей чемоданов ручной клади, и долгая неделя ожидания отъезда. Документы из школы отец уже забрал, и Мишка коротал свободное время на улице, катаясь на стареньких недавно купленных ему коньках, которые в день отъезда с горечью повесил на гвоздик и оставил новым хозяевам квартиры – отец сказал, что в Узбекистане они не пригодятся.

На улице свирепствовала лютая зима, и ураганы менялись с вьюгами местами. Снега навалило аж до первого этажа.

А потом всё завертелось.

Пришло сразу три такси, которые забили носильными вещами до отказа так, что с трудом втиснулись сами.

Железнодорожный вокзал с высоченными потолками и огромным подземным помещением.

Длиннющая очередь в кассы, что тянулась извивающийся змеёй почти через весь зал. Мокрый пол, который бесконечно подтирали уборщики, но через пять минут его снова затаптывали внесённым с улицы тающим снегом.

И буран. Сильный, холодный, снежный, он в одно мгновение превращал человека в нечто белое, сказочное. Люди почти бегом сновали туда-сюда, прикрывая лица рукавицами, оставляя только щёлочку для глаз. Буран не давал высунуть на улицу нос, и Мишке так и не удалось рассмотреть Новосибирский вокзал снаружи.

А потом монотонный стук колёс и долго неменяющийся за окном душного вагона пейзаж казахстанских степей.

А потом начались чудеса.

Утром, проснувшись, Мишка первым делом со второй полки выглянул в окно и увидел серую, местами зеленеющую траву – снега не было!

Ташкент встретил их тёплым, безветренным днём и высоко стоящим ещё жарким солнцем. Пока отец бегал, ловил такси - все вспотели и начали переодеваться, доставая из чемоданов лёгкие курточки…

2.

«Скорый поезд Ленинград-Новокузнецк прибывает на первую платформу. Нумерация вагонов начинается с головы поезда» - картаво пропел громкоговоритель с высокого бетонного столба, что стоял рядом со скамейкой, на которой сидел Михаил.

– Да, вот так же тепло было тогда в Ташкенте, как сегодня… – мелькнула у него в голове. – Пожалуй, даже ещё теплее…

Стараясь быть степенным, Михаил медленно поднялся, привычно закинул за левое плечо чехол с баяном, чемоданчик с вещами взял в одну руку, а сумку с продуктами в другую и медленно пошёл в хвост предполагаемого состава.

Сразу за ним в плацкартное купе протиснулась группа весёлых студентов, едущих на сессию в Омский университет.

– Привет, я Пётр! – сказал самый высокий из них, что был явно выше двух метров и очень худой. Он постоянно слегка горбился и пригибал голову, но всё равно о что-нибудь ударялся. Вот и теперь, садясь рядом с Михаилом, он стукнулся затылком о верхнюю полку:

– Ох, говорила мама, не расти в длину, расти в ширину! – выпалил он скороговоркой, потирая сильно ушибленный затылок.

– Ещё раз так шиндарахнитесь, сэр, и все теоремы выпадут! – хихикнул его друг, явно несхожей с Петром наружности, и присел напротив, сразу заняв собой почти всю нижнюю полку.

– Не выпадут, они у меня вот тут, – хихикнул Пётр, похлопывая большущий чёрный дипломат с алюминиевым кантом посередине и никелированными замками. Диковинная вещь! Михаил видел такой только в кино!

– О-па! Так ты их ещё не переложил? – улыбнулся парень, похожий комплекцией на Страшилу из «Изумрудного города» и протянул Михаилу руку. – Сергей!

– Тоже сэр? – попытался попасть в тональность Михаил.

– Тоже стьюдент! – парировал, гордо встряхивая головой, Сергей.

На Сергее всё, что должно быть свободно – не свободно, а во что-нибудь, да и упирается. Вон, на животе – пуговичка на последней ниточке болтается.

– Куда переложить надо было? – удивлённо спросил Пётр.

- Да туда, чем ты только что знакомился с этой деревяшкой! – улыбнулся Сергей.

– Туда ему нельзя, – сказал третий, крепкого, спортивного сложения парень в летней майке кирпичного цвета. – Там у него не задерживается.

И дальше без паузы:

– Так, с нами – музыка! – сделал он ударение на «ы», потом вскинув правую руку к груди, резко, как робот, направив ладонь в сторону Михаила, а потом также механически в три

движения приблизил её для пожатия. – Семён, можно просто Сеня, без «сэр»! А вас маэстро как величать, я что-то не расслышал?

Михаил жал Семёну руку и думал: – Вот, такая же крепкая, как у деда, и звать так же. Да, весёлая поездка намечается. Новые знакомые явно не собираются отлёживаться, как он, на верхней полке.

– Ладно вам, – наигранно обиженно пропел Пётр. – Посмотрим, что покажут экзамены! Некоторым слепо-глухим и лекции не помогут!

– Пётр, ты не прав, мне ещё отец в вот таком возрасте говаривал, – показал он своей огромной ладошкой рост предполагаемого малыша…

– Сеня, не преуменьшайте великого! – поправил его Сергей, значительно приподняв над уровнем пола здоровенную ладонь Сени, одним мягким, чуть прогнувшимся под этой тяжестью пальцем.

– Так я и говорю, – попытался исправиться Семён.

– Ты не говоришь, ты показываешь! – перебил его Пётр.

– Не-не, не так, – поспешил вставить Сергей.

– А как? – совсем сбился с толку Семён.

– А вот так, – быстро перемигнулись Пётр с Сергеем и уже на счёт «три-четыре» дуэтом выпалили:

– Говорит и показывает киностудия «Семьёнфильмз»!

И тут же, без перерыва на обед, Пётр отдельно пояснил Михаилу:

– Сеня у нас на киношника учится! Режиссёрище!

– Да ладно вам, – хихикнул Семён, – О чём это я хотел сказать…

– Ах, а память-то мы упаковать забыли, где это мы её сегодня оставили, что-то я не вижу её у нас в вещах, – быстро перебирая кучу сумок, засуетился Сергей.

– Вот она! – разом крикнули трое, и на столе появилась бутылка красного вина.

Теперь уже весь вагон понял, что поездка до Омска будет ещё и шумной.

3.

На столике быстро появилась куча снеди. Михаил тоже засунул руку в холщовую сумку и достал первый попавшийся увесистый свёрток. Им оказалась добрая половина курицы, ножка от которой тут же перекочевала в руки Сергею.

А дальше – бутылка быстро опустела, и вход пошли анекдоты.

На против них, на откидном месте у окна, почти перед самым отправлением поезда появилась старушка, с быстро бегающими глазами, прижимающая к груди большущею сумку, из которой выглядывала голова лохматой собачонки. Глаза у старушки побегали-побегали, затем уставились в пол и закрылись. Она замерла и как будто уснула, изредка делая пару неловких движений, что должны были со стороны напоминать поглаживание собаки по голове, но голова маленького лохматика в это время пряталась, и рука старушки неловко скоблила оттопыренные крупные зубцы железного замка сумки, после чего голова снова осторожно появлялась, осматривалась, отряхивалась и снова устремляла свои чёрные глазёнки на студенческий стол.

– Ещё один! – выкрикивает в очередной раз Сергей, при этом, как ученик школы, он тянет руку. Анекдоты из него сыплются, как из рога изобилия:

– Значит так, – неизменно начинает он. – Встаёт как-то Брежнев на заседании политбюро и говорит: - Товарищи, а почему бы нам не пригласить Чичолину в Москву! Ему: - Леонид Ильич, это же порнозвезда! – Ну вот, кхм, как раз такой звезды у меня ещё и нет!

Бабка чуть приоткрывает глаза, зло сплёвывает в сторону и, придавив мохнатую мордочку собаки, снова закрывает глаза.

– Нас подслушивают! – тихо, нараспев говорит Пётр.

– Нет, не так, – перебивает его быстро захмелевший Сергей. – Нас подсматривают!

– Да было бы что, было бы на что! – скороговоркой произносит старушка и тут же отворачивается к окну.

– Сеня, вы не внушаете доверия женщинам, от вас опять отвернулись! – так же нараспев, как только что это сделал Пётр, произносит Сергей. Семён, сидящий с краю шебутной компании, оборачивается к старушке, делает ей вежливый кивок головой и, уже повернувшись к ребятам, разводит руки в стороны.

– А вот ещё! – тянет руку Сергей и артистично преподносит полушёпотом новый анекдот, выделяя по звуку только последнюю фразу:

– …памятник, значит, сделали. На нём сидит Пушкин, а у него вот такие чёрные густые брови, сросшиеся у переносицы.

Смех ребят прерывается голосом старушки:

– А брови-то тут причём? – на всех четверых студентов сразу смотрят четыре глаза, похожие друг на друга, два из которых быстро мигают.

– Мадам, вас не поняли, вы о каких бровях сейчас говорите? – приторно вежливо, с лёгким наклоном вперёд, насколько это позволяет откидной столик и объёмистая часть ниже грудной клетки, что уже оторвала висевшую на одной ниточке пуговичку, спрашивает Сергей.

– Ну, так Пушкин там с бровями? – удивляется бабка.

– А-а, вы об этом, – откидывая своё враз обмякшее тело на спинку, важничает Сергей. – Спите спокойно, ваятель той штуковины примерно наказан за сей творческий изыск.

– За что, милок? – ещё больше удивляется бабка, широко раскрывая глаза и не мигая, чем ещё больше становится похожа на собачонку, которая до сих пор сидит в сумке.

– Есть предложение: а не пробежаться ли нам по ресторанам? – громко говорит Пётр, подскакивая и ударяясь головой о верхнюю полку.

– А, чтоб тебя! – всплеснула руками бабка и выронила сумку с собачонкой. Та проворно выбралась из заключения и понеслась по вагону.

– А, чтоб тебя! – ещё громче разнеслось по вагону и вслед за собакой, оставив сумку на полу, проворно бросилась старушка.

– А что, это идея, только ты голову-то сними, а то опять звенеть по всему вагону будешь, – медленно поднимаясь и потягиваясь, говорит Сергей и тут же своей мягкой пластичной рукой показывает Семёну, что тому стоит сделать то же самое.

– Контролирующих органов нет, можно ещё и по рюмашке, – говорит он, уже не обращаясь ни к кому.

В это же время Пётр делает шаг к проходу между купе, стукается головой о притолок и, наступив на лежащую в проходе бабкину сумку, падает.

– Этому уже достаточно! – констатирует Семён, поднимая друга.

- Нет, Сеня, это только начало! – улыбается Сергей, глядя на Михаила.

В глубине вагона раздаётся лай собаки и громкий голос: – Куда с собаками!

– Вот, Мишаня, нас уже бурно приветствуют, а мы ещё и не отчалили, – говорит Сергей, направляясь вслед за друзьями.

– Интересно, что будет, когда вы к причалу вернётесь? – улыбается Михаил, выглядывая в проход вагона.

4.

Михаил расстилает постель и забирается на верхнюю полку.

Старушка, запыхавшись, возвращается с собачонкой на своё место и пытается затолкать её снова в сумку, но та явно против. Вагон постепенно затихает, выключают верхний свет.

Михаил, закрыв глаза, снова возвращается к воспоминаниям о переезде в Узбекистан.

Три такси мчат их по гладкой асфальтированной дороге в сторону от Ташкента. В приоткрытые окна влетают с бодрящей свежестью новые запахи.

– Ух ты! – вырывается у Мишки. – Вот это тополя!

Алея высоченных пирамидальных тополей кажется бесконечной. В промежутках между стволами мелькает солнце. Мать, утомлённая переездом и немного расстроенная тем, что отец уже успел принять свои фронтовые, постепенно отходит и на её лице появляется улыбка:

– Надо же, а здесь ещё лето!

- А вы из Сибири, значит? – спрашивает приветливо таксист в форменной фуражке.

– Да, мы из Новосибирска, – выпалил Мишка.

– А сюда, значит, жить? – продолжает шофёр.

– Поживём – увидим, – как-то снова грустнеет мать.

А дальше были слёзы.

Мама сидела на тюках с матрацами и громко плакала.

– Куда ты нас завёз? Это что – квартира, это что – кухня? А ванная на что похожа, чёрная вся… Город тоже такой? – прорывается у неё свозь слёзы.

Отец нервно ходил по комнатам, молчал.

Даже Мишка тогда понял, что квартира сильно запущена, а южную её часть, то есть окна зала и кухни, полностью накрывает виноградник, растущий прямо под окнами, и от этого в зале даже днём темно и надо включать свет.

Мишка щёлкает стареньким, болтающимся рядом с проёмом стены грязным выключателем, но тусклая слабая лампочка, торчащая из доисторического огромного патрона, только ещё больше добавляет слёз матери. Теперь видно ещё и обои: старые, потёртые, с жирными пятнами, местами уже обвисшие. Потолок почти серый.

Новая квартира была далеко не новой и совершенно неухоженной, да ещё и с низкими потолками.

Утром отец куда-то ушёл, а мать засобиралась в обратную дорогу, складывая вещи снова по сумкам и чемоданам. Мишку гулять не отпустили, и он с бабкой Наталией, что постоянно поддакивала матери (чем злила Мишку, который сильно переживал за отца), тоже собирал свои вещи, плотно упаковывая их в чемодан.

Дверь в квартиру открылась без стука, в ещё более тёмном, чем зал коридоре, в проёме двери появился растерянный отец:

– Контейнеры пришли, надо разбирать, – тихо сказал он.

Мать бросила на пол вещи, что держала только что в руках, и снова усевшись на уже свёрнутые после ночи матрацы, громко заплакала.

5.

– Отдать швартовые!

– Кого отдать?!

– Не кого, а чего!

– Кого-чего, кому-чему! Как ты сценарии писать будешь?!

– Кого-чего, кому-чему отдать-то?!

– Да причаливай уж, Пётр, далеко не первый!

– Вы б его сложили, что ли? – слышит Михаил сквозь дрёму голос старушки с собачонкой.

– Я что, плотницкий метр, чтоб меня складывать? – возразил Пётр, держащийся двумя руками за верхние полки купе.

– О, а ребята таки сильно погуляли, – понял Михаил, приоткрыв глаза.

– Свят, свят… Так он же не уместится на верхнюю полку! – снова простонала старушка.

Тут только Михаил понял, что Сергей с Семёном пытаются приподнять Петра и впихнуть его на верхнюю полку. Интересно, получится или нет.

Не получалось, уже третий раз у них ничего из этой затеи не выходило, и они совершенно выбились из сил.

– Есть идея!

– Что, ещё раз в ресторан? – тихо, неуверенно спросил Семён.

– Не, нас туда уже не пустят, да он и закрыт уже, – икнув, еле внятно нараспев сказал Пётр.

– Не-не-не… - вырвалось у Сергея. – Карты!

– Кто, как ты? – переспросил Пётр.

– Свят, свят… – зашептала бабка. – Они ещё и картёжники.

– Бабуль, будь спок, у нас всё путём, мы сейчас тихо-тихо… И всё… – сделал гусарский поклон головой Семён.

– Мы сейчас в карты разыграем, кому спать на верхней полке, – заговорщицким шёпотом произнёс Сергей.

– Давай! – выпалил Пётр, брякаясь на нижнюю полку и смачно стукаясь затылком о полку Михаила.

– А чтоб тебя! – вырвалось у бабки, при этом она быстро впихнула голову животного во внутрь сумки и дёрнула металлический замок. Замок зацепил ухо собаки, та взвизгнула, моментально высунула голову обратно и укусила бабку за палец.

– А чтоб тебя! – вырвалось у Семёна.

– Ой, милаи, ой, что творится! – запричитала бабка, роняя сумку.

– Что вы там с собаками никак не уймётесь! – раздалось полусонное из соседнего купе.

– Спать! – властно, нараспев шипел Семён, держа на вытянутой руке пойманную им на лету за большие дерматиновые чёрные ручки сумку.

Собака, посмотрев прямо в большие навыкате глаза Семёна, моргнула и стала медленно опускать голову внутрь сумки, после чего была застёгнута до конца и передана в руки хозяйки.

– Всё в порядке, бабуль, – сказал вежливо Семён и ещё раз по-гусарски кивнул головой, после чего, как ни в чём не бывало, уселся за столик и взял розданные ему карты. – Поехали!

Пётр проиграл.

Кое-как расстелив матрац и бросив в угол неодетую в наволочку подушку, он ещё долго безуспешно пытался подняться, как он выражался, на второй этаж. Друзья его давно уже посапывали, когда ему наконец-то удалось уместить своё длинное тело на верхней полке.

Но испытания Петра на этом не закончились. Когда он поворачивался спиной к стене колени его свисали в проходе и ему приходилось держаться за всё, куда дотягивались его длинные руки. Потом он переворачивался на другой бок и его пятая точка угрожающе нависала над спящими внизу. Долго балансировать ему так не удавалось и он, выпрямив ноги, спустил их в проход межу купе и тут же был потревожен первым ночным посетителем курилки:

– А что, за границей уже так принято, а у нас началось внедрение? – зло толкал его ноги назад на полку здоровенный полураздетый мужчина.

– Я там ещё не был? – пытался отшутиться Пётр, подбирая ноги.

– Послать бы тебя куда подальше да бабулю боюсь смутить, - ругался мужик, протискиваясь дальше.

– Миш… Спишь? – тихим шёпотом раздалось через некоторое время.

– Нет, Петя, цирк смотрю, – улыбнулся сквозь дрёму Михаил и открыл глаза.

Оперившись о его полку и почти нависнув всем телом над проходом, на него смотрел жалостливыми глазами Пётр:

– Давай, окно откроем, я туда ноги высуну, а? – с мольбою в голосе прошептал Пётр.

– А как встречный пойдёт? – удивился Михаил.

– Не, я так уже не раз ездил. Я их согну! – кивал Пётр.

– Давай, на твою ответственность, – улыбнулся Михаил, и вместе они попытались открыть заклинившее окно.

Не с первого раза, но им это удалось. Пётр неожиданно проворно развернулся на своей полке, чуть не стукнув зазевавшегося Михаила по носу, и высунул ноги в окно, после чего улёгся целиком на полку и тихо пропел: – Кайф…ф…ф…, – и тут же захрапел.

– Намучался, милок, – сочувственно произнесла бабка.

– А вы что не ложитесь? – поинтересовался Михаил.

– Да-к мне уж скоро выходить. Я вот подарок внучке везу, собачку-то. Сильно просила. Вот к сестре в Пермь заехала и эту собачонку-то и взяла ей. Слепая она у меня, внучка-то. Я вот в Ленинград-то в собор и ездила, к иконе Божий матери приложиться. Молилась за неё да вот иконку освятила у батюшки.

Она отодвинула собачонку и, немного пошарившись в сумке, вытащила небольшой свёрток из серой бумаги. Перекрестившись, аккуратно развернула его и достала маленькую иконку, золотом блеснувшую в полутёмном вагоне.

– Иконы-то, милок, видел али нет? – спросила она, поцеловав икону.

– Видел. Много икон видел, бабуля. Разных… – осёкся Михаил на полуслове. Не место и не время ему об этом говорить. Надо добраться сначала до землянки и, если она цела… А что, если она цела? – задумался он и выпал на некоторое время из разговора.

-…а мне уж через двадцать минут и выходить. А ты что, совсем не пьёшь? – бабке, видимо, хотелось ещё поговорить.

- Нет, не пью, – улыбнулся Михаил, перекладывая подушку в противоположную от окна сторону и тоже переворачиваясь на полке головой к проходу.

– И не куришь? – продолжала любопытствовать бабка.

– И не курю, – уже сквозь дрёму неохотно отозвался Михаил.

6.

– Засранец! Нет что бы матери помочь, да-к он ещё и в туалете курит! – мать неожиданно подошла со спины к Мишке и влепила ему сильный подзатыльник.

– Ма, за что?! – вырвалось у Мишки.

– А кто курил в туалете? Не ты, скажешь? Отец давно не курит и тебе не дам! – грозно наступала на Мишку мать.

Мишка бросил кисточку, которой красил окно, и выбежал на веранду, выпрыгнул через открытое окно и оказался на улице.

– Вот только вернись домой, я всё отцу расскажу!

Мишка присел на низенькую скамеечку, расположенную под виноградником, и ему стало грустно. Вот уже неделю они отдирали, отмывали, белили и красили трёхкомнатную квартиру, доставшуюся им от сменщика, что теперь живёт в их двушке в Новосибирске, и конца и краю этой работе было ещё не видно. От краски или от сильного подзатыльника его слегка мутило.

Нет, Мишка, действительно, не курил. Как-то мельком он видел, что отец засовывал в карман рабочей куртки початую пачку «Беломора», но не видел, чтобы тот курил. Конечно же, это отец, но выдавать его он не будет. Никогда. Ему тоже сейчас несладко. Каждое утро он отправляется на поиски работы, а возвращается ни с чем. Ангрен – городок маленький, и по специальности отца работы не оказалось. Вот и закурил, понятно…

Из размышлений его вывела девчонка, выбежавшая из подъезда. Как-то очень запросто она протянула ему руку и сказала:

– Вы что, недавно переехали?

– Да, – буркнул Мишка.

– А меня Светой зовут, я на четвёртом этаже живу, над вами. Вон там, где виноград кончается! – показала она на чуть видные из-за виноградной лозы открытые окна. – А ты учиться где будешь?

– Завтра в двадцать вторую школу пойду.

– А в какой класс?

– В шестой «А», - нехотя ответил Мишка. Это будет уже шестой класс и четвёртая школа за последние два года. – И что родителям на месте не сидится, – думает Мишка.

– А там все такие же задаваки, как ты, учатся! – хихикнула Светка и побежала во двор.

– Что сидишь, иди крась! – донёсся из открытого окна первого этажа голос. Матери было не видно - листва винограда полностью закрывала длинное высокое окно веранды.

Мишка встал и нехотя поплёлся домой.

Новая школа, новый класс, новые знакомства… Что-то его в этот раз не очень радовала вся эта новизна. Да и следующее лето, судя по всему, он проведёт далеко от своих прежних друзей.

– Да двери-то закрывай на щеколду, а то здесь такие сквозняки, – донёсся откуда-то из кухни уже чуточку потеплевший голос матери.

Михаил услышал, как сильно хлопнула дверь и что-то, наверное, на кухне разбилось. Вот сейчас точно влетит…

7.

Он быстро открыл глаза. В полутёмном вагоне внизу что-то барахталось.

- Петь, тебе что, опять не спится? – спросонок пропел Семён.

– Не, я упал, – Пётр вылезал из-под свалившегося на него серого матраца. Потом он поднялся на ноги, забросил матрац на верхнюю полку и, обернувшись к Михаилу, сказал:

– Ноги замёрзли, вот я их и согнул во сне…

– Понятно, – улыбнулся Михаил. А поспать всё же надо, и он снова закрыл глаза, мельком отметив, что старушки с собачкой в вагоне уже не было. Видимо, вышла…

Пётр присел рядом с Семёном, и через некоторое время Михаил сквозь дремоту услышал их разговор:

– Сёма, ты кошелёк мой не видел?

– Да он у тебя же в руках?

– Да нет, я не об этом хотел спросить.

– О чём ещё? – недовольно буркнул Семён.

– Да денег в нём почему-то совсем нет?

– Старушка с собачкой спёрла…

– Не, Сёма, не старушка.

– Ну и где же они тогда?

– А что с полки упало, то пропало, - тихо отозвался Пётр.

– Остряк-самоучка, ты сегодня спать будешь? – вмешался в разговор проснувшийся Сергей.

– Не, я тут тихо посижу, – отозвался Пётр.

– Ну и сиди тихо. Спать не мешай, – последнее, что услышал Михаил, теперь уже крепко засыпая.

Под стук колёс хорошо спится. Сны приходят и уходят, как остановки скорого поезда – мелькнут и всё, а дальше жди новой.

Новый сон Михаила был тёплым, как Обское море в июле, и добрым, как в детстве мама…

Глава четвёртая

ВСТРЕЧА С ДЕДОМ

Говорят, что время в поездах летит незаметно, может и так, только Михаилу последние полтора часа до Новосибирска показались целой вечностью. Он стоял в тамбуре напротив титана с кипятком и неотрывно смотрел на меняющийся за окном пейзаж, в основном это были широкие поля и берёзовые рощи, реже – хвойные массивы…

После многоликости Урала в этом была какая-то скупость художника на палитру и формы, но это были палитра и формы его детства, очень близкие его душе и сердцу…

1.

Поезд прибыл точно по расписанию – в шесть тридцать утра. Михаил ещё в дороге решил, что никуда не будет торопиться, а позволит себе побродить по городу – - пройдёт от железнодорожного вокзала до оперного театра, затем в Первомайский сквер, за которым скрывается Новосибирская консерватория, а уж потом возьмёт такси и поедет к деду.

Тех денег, что ему выделили на поездку, конечно же, не хватит на все его желания, ну да ничего – у него в кармане есть ещё заначка в двадцать рублей, что он тайком от родителей скопил за последние дни до выезда в Новосибирск, а ещё плюсом премия и стипешка за три летние месяца – целое состояние! Так-что можно сильно и не экономить.

Самый большой вокзал Сибири выглядел утром относительно спокойно, хотя люди уже вовсю сновали туда-сюда, спеша по своим делам.

Михаил встал недалеко от вокзала и долго рассматривал весь вокзал и большую привокзальную площадь. Таких масштабов и больших открытых пространств в Перми не было, но сегодня ни вокзал, ни площадь перед ним не казались ему такими огромными, как пять лет назад, когда они уезжали всей семьёй в Узбекистан на новое место жительства.

Да, он помнит тот холодный, очень снежный день и огромные отвалы сугробов на вот этой самой площади, и длиннющие вереницы людей на белом снежном фоне в бесконечных росчерках метели и сильного снегопада. Они уезжали вечером, и жёлтые фонари, пытаясь хоть как-то пробиться сквозь плотный снегопад, выхватывали эпизоды высоченных сугробов и небольших участков уже расчищенного от снега пространства.

И люди, люди, люди… Они то сливались в червеобразные очереди и ползли длинной чёрной змеёй по заснеженной площади, то рассыпались, как горох, и, казалось, метель их всех сейчас сметёт с этого огромного сюрреалистичного стола куда-то на пол.

И чемоданы… Тюки и чемоданы, длинные очереди к кассам и бесконечно влажно-сырой пол с месивом тающего снега у входов и выходов.

Сегодня же светило солнце, и судя по небу, на котором не было ни единого облачка, день обещал быть по-летнему тёплым.

- Да и как иначе, сегодня же первый день лета! – подумал Михаил, взваливая баян на плечо и направляясь к оперному театру. С лица Михаила не сходила радостная улыбка, а душа разве что не плясала…

Он уже больше двух часов бродил по городу, и баян в чехле уже изрядно натёр его плечо. Посидев в Первомайском сквере, съев две порции отличного новосибирского эскимо (да, в Ташкенте такого не купишь – в Узбекистане просто вообще не было хорошего мороженого), он вышел на остановку такси и поймал первую проходящую с зелёным огоньком «Волгу».

– Куда вам, молодой человек? – приветливо спросил таксист.

- С начало на Башню, а потом на пересечение Ватутина и Немировича-Данченко, только медленно, как можно медленней, – улыбнувшись в ответ, нараспев произнёс последние слова Михаил.

Таксист недоверчиво обернулся, ещё раз внимательно оглядел Михаила с ног до головы, поморгал глазами и только после этого недоверчиво спросил:

– Я не ослышался? Гастроли закончились, и мы никуда не спешим?

– Гастроли только начинаются… Я здесь давно не был, хочу, как можно больше увидеть.

– Так медленно будет дороже стоить, молодой человек?

– Сколько?

– Два рубля…

– До Затулинки – рубль, а тут сразу два, - улыбнулся Михаил. – Ведь ближе значительно!

– Так медленно же, – подражая Михаилу, пропел таксист.

– Да, мужичок-то не промах, своего не упустит, – улыбнулся Михаил и кивнул.

– Годится.

– А сколько не был-то? – спросил таксист, трогаясь с места и набирая ход.

– Пять лет! – вздохнул Михаил.

– Ого, для твоих годков действительно давно! Что так?

– Да сначала родители переехали в Узбекистан, потом в Пермь учиться поступил, – Михаил с удовольствием смотрел по сторонам, разглядывая знакомые с детства улицы и здания. Вот этой дорогой он иной раз ходил из консерватории домой, старясь сэкономить себе на карманные расходы. К старым знакомым зданиям местами уже присоседились новые – растёт Новосиб, растёт.

– А родился?

– А родился здесь.

– Во как… А сейчас что, на экскурсию или с концертами? – пытается время от времени поддержать разговор водитель.

– Деда проведать, он у меня один остался, бабушка умерла недавно, а потом…. Там видно будет…

– Н-да…. Стариков одних бросать негоже. Деду сколько?

– Семьдесят два стукнуло.

– Молодой ещё, бегает небось.

– Инвалид он, всю жизнь на кузне работал, спину сорвал. Потом ноги отказали… – тихо отвечает Михаил, и очень хорошее утреннее настроение потихонечку начинает таять.

– Вот как оно… – в тон ему ответил таксист и больше уж вопросов не задавал.

Он проехал точно указанным маршрутом, действительно не особо торопясь, обгоняя только ползущие троллейбусы, и остановился недалеко от перекрёстка.

– Здесь дед живёт? – спросил он, указывая на ближней к перекрёстку дом.

– Нет, вот в той второй от перекрёста пятиэтажке.

– Так я подвезу, – таксист тянется к ручке передач, но Михаил останавливает его:

– Я пройдусь, родиной подышу, – протягивает два рубля и улыбается в ответ.

– Эх…– вырывается у таксиста…

Он крутит меж пальцев два чуть мятых рубля, и Михаил уже подумал, что вот сейчас он попросит, что надо бы добавить, ан нет –таксист возвращает один рубль назад:

– Гуляй… Дыши…

2.

Дед живёт на первом этаже. Дверь его квартиры некрашена, наверное, со дня постройки этого дома. Ого, да она ещё и не заперта!

Михаил тихо открывает дверь и…

– О, Господи, как же здесь… – он долго мысленно подбирает слово, но так и не находит. Таких запущенных квартир он ещё не видел!

Ставит баян в маленькой тесной прихожей, где и двоим-то развернуться проблемно, и заглядывает в зал.

Сильно похудевший и осунувшийся дед сидит у окна спиной к нему и читает книгу, на носу у него две пары очков.

Михаил долго стоит, боясь испугать деда своим внезапным появлением, а тот перелистывает страницу и снова углубляется в чтение.

– Доброе утро, дед! – тихо говорит Михаил.

Дед не слышит.

Тогда Михаил подходит и встаёт с боку, чтобы попасть в боковое зрение деда, и тут только вспоминает, что правым глазом дед ещё и почти ничего не видит, присаживается на старенькую скрипучую с облезшей зелёной краской табуретку, ждёт…

Дед через некоторое время бережно откладывает книгу на пыльный подоконник, снимает две пары очков, трёт глаза и лишь потом поворачиваясь всем телом, скользит взглядом мимо, но уже в следующие мгновение его голова поворачивается, и взгляд упирает в лицо Михаилу:

– О! Ты уже здесь! А я тебя так рано и не ждал, мать телеграмму прислала – к обеду будет! Ну, здравствуй, что ли?! – он тянет к нему руку, но со стула не встаёт. Михаил подходит к нему – крепко обнимает:

– Здравствуй, дед, я скучал по тебе! Сильно скучал.

У деда по лицу бежит слеза из левого глаза, а правый как-то неестественно глубоко провалился.

– Не плачь! – растерянно шепчет Михаил.

– Да, я стараюсь… – чуть срывающимся голосом говорит дед. Но уже в следующую минуту к нему возвращаются бодрые, чуть повелительные интонации – дед всегда был не прочь немного покомандовать, вот и теперь слышно командное:

– Марш на кухню, там борщ на плите, будем есть!

– Дед, так я ещё не голоден, перекусил на вокзале! – радуется Михаил тому, что дед так скоро взял себя в руки.

– Так я не ел, мне положи. Я вот только на лошадку сяду и мигом доскочу (Михаил уж и забыл, что дед сильно окает и поэтому «доскачу» у него звучит как «доскочу», с ударением на второе о).

Только теперь Михаил замечает стоящую тут же у окна инвалидную коляску, а рядом с ней – два костыля и палочка. Он немного теряется – что же такое на языке деда лошадка, что ему подать?

– Ты иди, иди – разогревай, наливай, я тут сам управлюсь – молодой ыщё.

3.

– Растёт Новосибирск, хорошеет! – пытается Михаил завязать разговор за столом. Дед и раньше-то не отличался словоохотливостью, а сейчас, видимо, и того меньше. Да и с кем ему говорить?

– Н-да... – прозвучало привычное для уха Михаила слово. – Из окна в бинокль вижу, там за Тулой – о-о-о, какой микрорайонище бухнули, да во двор иногда выхожу, когда ноги спозволяют. Дальше не хожу. Да и глаз-то у меня один остался, второй, почитай, уж три года – стекляшка.

Трудно даётся Михаилу беседа, видать, не все обиды у деда улеглись за это время. Да и то сказать – за эти шесть-семь последних лет столько на его долю выпала, не приведи, Господи, никому.

Сначала спину парализовало, и мать забрала его с бабкой из Борового в тогда ещё маленькую двушку на улице Зорге. Там два года жили в тесноте: мать, отец, бабушка отца, дед и его жена - баба Валя, ещё и Михаил.

Потом им через полгода дали четырёхкомнатную квартиру на Степной: там деду стало чуть лучше, и он начал ходить с костыльком. Все радовались – вот-вот дед на ноги встанет, но две старушки в одной квартире не ужились – дело дошло не просто до скандала, а прямо до драки.

Тогда мать и решила разделить квартиры. Да искали квартиру так, чтобы дома рядом стояли, через полтора года уехали и со Степной – разъехались – дед с бабкой сюда, а остальные – на пятый этаж в соседнюю пятиэтажку. А ещё через пару месяцев они уже мчались на поезде в Узбекистан.

– Лида когда приедет? – спрашивает дед, промокая губы застиранным вафельным полотенцем.

– Мама не сможет пока приехать, она после операции плохо ходит. Папа должен приехать… скоро, а точно пока не знаю, ему отпуск не дали, но говорит всё равно вырвется.

– Как так не дали? По такому делу и не дали?! – удивляется дед.

– Он на военном заводе работает, там всё строго… – пытается оправдать отца Михаил и смягчить сердитые интонации, что вновь появились в голосе деда.

– А-а-а… Тогда понятно, – чуть остыв, говорит дед. – Там всё по звонку – не забалуешь. Знаю, работал… Сам-то надолго?

– Завтра узнаю, позвоню Ксении Ефремовне и узнаю.

– Что узнашь-то? – дед не совсем понимает о чём речь, при чём здесь в делах Михаила Ксения Ефремовна.

– Я работать приехал, дед.

– Уже работать? О, как оно… Играть что ль будешь? А мне сыграш аль нет? – с непонятными интонациями в голосе говорит дед, но сердитость явно уже уступает место чему-то более родному и знакомому Михаилу с детства.

Дед на двух костылях возвращается в зал, ставит их, прислонив к подоконнику, оперевшись рукой о спинку коричневого стула, поворачивает его ловко на одной ножке, не теряя при этом опоры, и медленно и неуклюже садится на него.

– Ну, порадуй деда! – со строгостью на лице, но уже с теплом в интонации, слышит Михаил.

4.

Михаил будет играть много. Он проиграет почти всё, что помнит и лишь потом поймёт, что сзади его тоже кто-то стоит, обернётся и увидит там двух пожилых женщин, что с открытыми ртами будут смотреть то, на него то на деда.

– Что, соседушки? Слыхали, как внучок-то на баяне шпарит, а? – с нескрываемой гордостью, чуть выпрямив спину говорит дед. – О, чё творит, сколь лет живу, а такого баяна отродясь не слыхивал, так и сыплет веером. Ух…

– Так-то Михаил, что ли, Сеня? – спрашивает та, что выглядит чуть моложе.

– А то… Внучок к деду приехал, радует! – с забытой хитринкой в глазах уже совсем тёплым голосом говорит дед и тут же закашливается.

– Ну, вы идите, идите к себе, дайте мне с Мишаней поговорить, я, надо будет, костыльком в стену-то стукну, – прокашлявшись, чуть хрипловатым голосом говорит дед, обращаясь к своим соседкам.

– Две сестры… Там живут, – машет он в сторону кухни. – Тоже одни остались, без мужей уж… Я, когда сильно надо, вот энтой палкой три раза в стену-то на кухне им стукну – они и приходят. Помогают мне, стирают. Готовят, когда силы есть – прибираются… За продуктами ходют… Так по-соседски живём. Иногда к ним хожу телевизор смотреть…

– А что твой? – Михаил кивает в сторону старенького телевизора, стоящего на тоненьких ножках и прикрытого старой, когда-то должно быть белой, вышитой ажурными узорами салфетки.

– Ты, Миш, громче говори, я тут ещё слышать плохо стал… Аппарат с собеса принесли, да сломался он скоро, а чинить я уже не мастак, пальцы не слухаются.

– С твоим-то что? – чуть громче обычного говорит Михаил.

– А бес его знает – не кажет!..

– Ладно, давай свой аппарат, а телик я позже посмотрю.

– Чево?

Тут только Михаил и понял, что дед раньше половину-то слов его и не слышал, может поэтому и сердился, а сказать не решался.

– Где слуховой аппарат? – снова чуть громче обычного говорит Михаил.

– А там, в шкатулке посмотри. Ты и это можешь?

Михаил отыскивает на старенькой облезлой этажерке пыльную шкатулку, открывает её и прямо сверху, на уже пожелтевших письмах, лежит довольно большой аппарат из телесного цвета пластмассы.

– Батарейка, наверное, села, – предполагает Михаил, осматривая уже довольно неновое слуховое устройство.

– Не, сосед тогда менял, да он так и не включился.

Михаил находит, как снять крышку, вытаскивает старую батарейку и кладёт её в карман.

– Дед, я скоро, закрывайся, – теперь уже предупредительно громко говорит Михаил.

– А чё закрываться? У меня что есть-то? Я да совесть моя - вот и вся моя семья. Нече здесь брать, значит, и бояться некого. Ты иди, коль надо, иди…

5.

Михаил быстро отыскал магазин с батарейками, попутно купил тушёнки, свежей картошки, потом, проходя мимо почты, вспомнил, что не отправил с вокзала телеграмму родителям, отстоял небольшую очередь и почти бегом вернулся домой к деду.

Дед снова читал книгу, лежащую на подоконнике.

Михаил тихонечко вставил в наушник батарейку, закрыл крышку и повернул махонький выключатель. Аппарат не работал. Он снова вытащил батарейку, затем прошёл на кухню и стареньким чёрным лезвием почти сточенного ножа попытался достать капсюль маленького динамика, капсюль не поддавался, чем сильно удивил Михаила.

– Да его разбирали и не так вставили обратно! – догадался он.

Кое-как достав капсюль, он перевернул его и сразу же увидел два крохотных погнутых контакта, которые должны были соприкасаться с контактной частью батарейки.

- Ну, если не раздавили, когда силой впихивали – заработает, подумал Михаил, собирая наушник заново.

Он тихонько подошёл к деду сзади и вставил ему слуховой аппарат в правое ухо, повернул выключатель. Дед замирает:

– Ну, скажи чево нето? – чуть сердится дед недогадливости Михаила.

– Работает! – тихо говорит Михаил.

– О! Слышу – работает! Ещё чё скажи?..

Дальше они будут говорить свободно, и у деда явно улучшиться настроение.

– Чего было-то? - спросил он.

– Пустяки, кто-то тебе контактный капсюль, что перед динамиком стоит, обратной стороной воткнул, контакта и не было.

– Кто-кто? Сосед сверху и делал, сказал – всё, отговорилось ухо твоё, дед. Выброс!

– А мастера что не вызвал? – удивился Михаил.

– А чего зря людей гонять, если совсем сломалось, – спокойно ответил дед, чуть потряхивая головой в сторону слухового аппарата.

– Отвык уже! – улыбается он. – Звук ухо щекочет!

6.

Михаил до самого вечера будет прибираться в квартире у деда: перемоет окна и подоконники, не найдя пылесоса, сметёт веником весь накопившийся за долгое время мусор и на два раза вымоет полы, попробует отмыть ванну и раковины, но это ему плохо удастся без специальных средств, а таковых у деда не найдётся. Потом вынесет мусор и уж только после этого плюхнется на старый диван.

– Соседки мои сильно хворают, не всегда могут помочь-то, – в конце дня скажет дед. – А уж когда могут, то малёхо прибираются… Сам-то уж не могу… Ты телевизор-то посмотришь?

– Сейчас, дед, картошку с тушёнкой приготовлю и возьмусь за телевизор, – чуть устало говорит Михаил.

– А чё готовить-то, кастрюля борща стоит! – удивляется дед. – Нечего продукты переводить!

Михаил не может обидеть деда, но и есть то, что находится в кастрюле он не может – это назвать борщом никак нельзя, даже сильно закрыв глаза и зажав нос, – запах с ног собьёт. Видимо, соседки готовят так же, как и убираются.

Поев картошки с тушёнкой, дед сильно повеселел:

– Давненько я так не ужинал-то!.. – взяв стоящие тут же у стенки костыли, дед медленно идёт сначала в туалет, потом так же медленно возвращается в зал.

– Слава Богу, сам ещё в туалет ходить может, – чуть кивает головой Михаил.

– Дед, а где у тебя инструмент лежит?

– Тама, в кладовке струмент найдёшь, в ящыке деревянном.

Ящик оказался Михаилу знаком – да, это из набора инструментов отца. В нём нашлась и отвёртка, и плоскогубцы, и (о, слава Богу) паяльник, канифоль и олово.

Михаил стирает пыль с экрана телевизора, открывает заднюю стенку:

– Здесь бы продуть пылесосом не мешало, пыли много!

– Так где ж его взять-то? Нету у меня пылесоса, да и не было никогда. А так смахнуть не получится? – с надеждой в голосе спросил дед.

Деваться некуда – пришлось продувать так…

Включив телевизор, Михаил долго ждёт, когда экран засветится. Да, кинескоп-то уже изрядно подсел, звук есть, но пропадает, а картинки и вовсе нет.

Михаил не силён в телевизорах, ну, если уж совсем честно сказать – полный профан, но деда расстраивать не хочется. Долго вспоминает, что же тогда делал мастер, пришедший ремонтировать к ним точно такой же телевизор — вот почти с точно такими же проблемами. Ему было тогда лет двенадцать-тринадцать, и мастер разрешил ему посмотреть, как он будет работать. Работал и комментировал:

– Звуковая лампа — вот здесь, видишь? Она у вас сильно нагрелась от запыления и отошла от контактов. Достаём, протираем, ставим на место, одеваем прижимной хомут. Всё, проверяем звук.

Звук появился, Мишка тогда радостно хлопал в ладоши.

Сейчас он ищет звуковую лампу и проделывает с ней те же операции, что и мастер – звук появился и больше не пропадал.

Теперь дальше.

Дальше мастер говорил:

– При таких проблемах с изображением чаще всего либо летит лампа «ТХ-4-б», либо на ней надо заново пропаять контакты, у вас скорее всего второе – перегрели вы телевизор, чаще продувать надо и не гонять целыми днями.

Михаил помнит, что на лампе алюминиевый чехол-цилиндр с небольшим отверстие сверху, его надо снять. Ищет торчащую на задней панели лампу – вот она, снимает цилиндр: сама лампа выглядит, как маленькая ракета. Берёт уже нагретый паяльник, отводит вправо всю заднюю панель и тщательно пропаивает лампу.

Чудо – телевизор заработал! Правда, показывает он тускло, и как только Михаил не крутил настройки, радикального изменения контрастности и чёткости добиться ему не удалось.

– Кинескоп, дед, подсел, лучше уж не сделаю, – говорит он.

– Где научился-то? Иль на музыке этому тоже учат? – с откровенным удивлением спросил дед.

– Да нет, у нас такой же был, так я подсмотрел, что мастер делал. Вот и пригодилось. Правда, долго не протянет – вот эту лампу всё же придётся купить и заново впаять, ну, месяца два, от силы три, а потом ей всё равно хана, – Михаил пишет на бумажке название лампы и кладёт под антенну, стоявшую на телевизоре.

– Всё, дед, я спать, умаялся я что-то за сегодня, – говорит Михаил.

– Бельё вот тама возьмёшь, на диване стели, а я на кровати всегда сплю, так привычней. Я тут немного телевизор посмотрю да и тоже лягу… Тебе не помешает?

7.

Уже устилаясь, Михаил вспомнил, что мать передала деньги для деда, достаёт кошелёк и, отсчитав тридцать рублей, протягивает деду.

– Это мать передала, сказала – скоро отец приедет и все вопросы решит.

– Мне не надо!

– Дед, а что я маме скажу?

– Так и скажи – не взял дед твоих денег!

– Так не годится – деньги твои, я их вот сюда положу!

– Мои… Знашь, как мы с ними поступим, – спрашивает дед, оторвавшись от телевизора.

– Как? – ждёт решения неожиданно возникшей проблемы Михаил.

– Деньги мои?

– Твои!

– Значит, я волен ими распоряжаться?

– Конечно, они же твои! – удивляется Михаил

– Ну вот я тебе их и отдаю, бери Миша, это мой тебе подарок.

– Нет, дед, деньги тебе нужней, – упирается Михаил.

– Нужней говоришь? – дед вновь отрывается от телевизора. – Ну-ка, подай мне вот энту коробочку, что на трюмо! А теперь открой.

Михаил открывает коробочку и видит там небольшую пачку трёшек и несколько пяти рублёвок, перевязанную чёрной резинкой от разрезанной велосипедной камеры, рублей сто пятьдесят, не больше.

– Энтого мне хватит до отца, а там видно будет. Да и что мне старику надо? А вот ты молод – тебе и пригодится, так что забирай и не спорь.

Михаил убирает тридцать рублей обратно в кошелёк.

– Спасибо дед!

– А… Кушай на здоровье!..

Сон у Михаила молодой, крепкий, не слышал он ни того, как дед выключил телевизор и лёг спать, не слышал он и того как дед утром встал и что-то там гремело и постукивало на кухне, не слышал он и того, как кто-то заходил и что-то приносил деду, только утром его ждали на столе свежая яичница и крепко сваренный кофе…

Глава пятая

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО!

Летнее утро...

Солнце чуть выглядывает из-за крыш домов, и длинные тени клёнов и тополей почти полностью накрывают дворы. Ещё на рассвете прошёл короткий дождь, и запах мокрого асфальта чуть щекочет нос. Свежесть утра постепенно уступает место тёплому дню – асфальт парит…

1.

Служебный «ГАЗ-51», стоящий у крыльца детского сада, уже загружен продуктами и тюками с бельём и с минуты на минуты тронется в дорогу. Впереди – Боровое, детские дачи.

– Ну что, ты в кабину или наверх? – спрашивает водитель Михаила.

Михаил подходит и что-то шепчет ему на ухо.

– А что так?! – удивляется водитель машины. Михаил снова шепчет ему на ухо.

– Хозяин-барин! – говорит водитель и стадится за руль.

Михаил быстро обегает машину и садится рядом с водителем на пассажирское место. Заведующая садиком Ксения Ефремовна машет водителю, что всё готово, можно ехать, после чего скрывается за высокой дверью крыльца детского сада. Она приедет позже.

Михаил не решился спросить Ксению Ефремовну, но до последнего момента надеялся, что этой же машиной поедет на дачи и Ольга, ан нет – Ольга почему-то так и не подошла, и машина тронулась без неё.

Машина не новая, но явно после капиталки – свежевыкрашенная, с новыми сиденьями в кабине, что ещё пахнут дерматином.

Двигатель легко завёлся, и машина, выбравшись из двора дома на центральную улицу, быстро набрала ход и уже минут через пятнадцать покинула город, но прежде остановилась на остановке, что на выезде из города, и Михаил пересел в кузов, уступив своё место пожилой нянечке.

– Ехал бы до конца, тебя ж старшим назначили, – встаёт на подножку водитель и кричит Михаилу вслед.

Михаил уже из кузова стучит по крыше кабины водителя, кричит:

– Поехали!

Особое отличие машины от тех, что были на дачах раньше – брезентовый тент на кузове, но как только машина тронулась, стало ясно, что ремонт прошли только двигатель и кабина.

Тент гулял из стороны в сторону, то там, то тут ветер открывал его рваные раны, и в них проникали лучи уже яркого солнца и бросали пыльные световые полосы, которые ползали туда-сюда по серым тряпичным тюкам с бельём, по лицам персонала дачи, сидящих на двух дощатых скамейках, расположенных ближе к кабине.

Деревянные борта, свежевыкрашенные снаружи, изнутри выглядели бедными родственниками - почти без краски. Пол местами совсем старенький, с дырами и треснувшими досками, в которых уже вывалились сучки. Тент сзади не крепится к бортам - не чем, - и, если машина притормаживает, всё пространство в кузове тут же наполняется дорожной пылью. Михаил с непривычки чихает:

– О как, Миша, пыль родную не признал?! – шутит тётя Поля – прачка детского сада.

2.

Дачи как дачи, почти никаких перемен. Добавилось несколько песочниц и карусель, плюс новый (третий) одноэтажный корпус вырос поперёк большой цветочной поляны, что слева от кухни. Он ещё не покрашен и в нём не установлены двери.

Машину встречает тётя Таня, она теперь шеф-повар.

Михаил помогает ещё одному кучерявому молодому парню – сантехнику дачи – скинуть все тюки с бельём, потом они спускают, предварительно открыв задний борт машины, большой деревянный сундук-короб с детства знакомый Михаилу, из которого приятно пахнет свежим хлебом. После этого Михаил, отряхнув чуть запылённые брюки, направляется к тёте Тане и тёте Поле, что стоят уже вместе на высоком крыльце входа на кухню:

– О, как вырос-то, теперь уж одной пуговкой не отделаешься, – улыбаясь им, говорит тётя Поля.

– Как вырос! – разводя руки в стороны и обворожительно улыбаясь, тянет нараспев тётя Таня. – Дай я тебя обниму!

После этого ко всем собравшимся у крыльца: – Так, девки, смотрины закончились, все по местам. Э, а ты куда? – это она к сантехнику. – А занести ящик?

Собравшийся было уже уходить сантехник Фёдор возвращается, и они с другим незнакомым Михаилу мужчиной затаскивают короб на склад, что рядом с кухней.

– А ты принимай свою комнату, – берёт она под руку Михаила и проводит его в радиорубку. – Располагайся и пойдём кушать.

После этого она так же, как и раньше, плавно разворачивается и, мягко и легко ступая, бесшумно уходит.

Михаил, разложив вещи по полкам и застелив постель свежим, чуть влажным бельём, выходит на крыльцо кухни и осматривается.

Детей на дачи ждут только завтра, тропинки ещё не натоптаны, свежая трава только местами чуточку примята, здания корпусов свежевыкрашены и в них домывают стёкла окон.

Всё, как прежде и это радует Михаила, который делает глубокий вдох:

- Здравствуй, лето!

3.

Пока ещё на дачах никого, кроме технического персонала и кухни нет, и у Михаила – свободное время. Он решает быстро сбегать к землянке и на Рыбачий остров – землянку надо осмотреть, а на острове узнать о судьбе деда – жив ли?

К землянке подходит, осторожно осматриваясь. В лесу, как и на дачах, нет пока ещё никаких тропинок, Зелёная дорога тоже сильно заросла травой, а придорожные кусты местами вылезли на дорогу.

В лесу непривычно тихо, дач совсем не слышно, репродукторы пионерских лагерей ещё молчат.

Без труда найдя землянку и ещё раз оглядевшись, Михаил быстро юркнул в неё и включил электрический фонарик.

Всё, как и раньше, только паутины много, да пыль осела на столик, да вот балки потолка сильно прогнулись, и в одном месте насыпался небольшой холмик земли, что ссыпалась все эти пять лет с потолка.

Михаил внимательно осмотрел балки потолка: центральная опорная сгнила и явно требовала замены. Затем шмыгнул под пыльные нары и долго, освещая фонариком каждый угол, рассматривал заднюю стенку под нарами – всё без изменения: так, местами небольшие трещинки да зеленоватый налёт.

Похоже, земляку не навещали, и все эти пять лет она вот так и простояла закрытой, из-за этого в ней дышать очень нелегко, хотя и дверца оставлена открытой, и окошечко Михаил предусмотрительно приоткрыл сразу, как только оказался в ней.

Ладно, здесь всё ясно, можно закрывать и идти на Рыбачий…

Полуостров своими переменами удивил Михаила, но не обрадовал. Здесь изменилось всё, кроме затона слева от Рыбачего. Вернее, Рыбачего-то и не было. Вместо него стояла турбаза, огороженная сетчатым металлическим забором с покосившейся, чуть приоткрытой калиткой и малозаметной тропинкой, что вела от калитки в лес.

Вдоль забора сильно разрослась малина и спускалась с этого пригорка в большой лог справа от Рыбачего. На турбазе ни души. Только там, у воды, теперь уже есть деревянный причалик, и стоят три голубенькие вёсельные лодки, да пацан какой-то плюхает ногами по воде.

Михаил проходит по турбазе и находит только одно старое здание от того посёлка, что был здесь раньше – остальных и след простыл, подходит и садится рядом с мальчишкой лет двенадцати.

– Мы ещё не работаем, папка приедет завтра. Ключи у мамки, где мамка – не знаю, – выдаёт тот заученную фразу.

– Понятно. Я – Михаил, а тебя как зовут.

– Фёдор я, а что надо?

– А давно здесь это турбаза стоит?

– Давно, я уже третье лето здесь жить буду, а она и раньше была, – отвечает Фёдор, глядя в глаза Михаилу. – А что надо-то?

– Я здесь раньше бывал, деревенька на этом месте маленькая стояла, и знакомый дед жил в крайнем доме…

– А-а-а… – не дослушав Михаила, тянет Фёдор, – это тебе к мамке. Мама! – кричит он куда-то в сторону. – Ма-а-а!

С ближнего к воде домика выходит уже немолодая женщина и смотрит в сторону затона, приложив к глазам руку козырьком:

– Тебе чего, Фёдор?

– Мне – ничего, а вот этому – какого-то деда надо! – не оборачиваясь, кричит Фёдор.

4.

Солнце уже клонилось к закату. Михаил вспомнил, что на дачах уже ужин и заторопился в обратный путь.

Уже по дороге на дачу Михаил вспоминал не долгий разговор с хозяйкой туристической базы.

- Н-да… Пять лет, а сколько перемен. Посёлка нет.

В ту зиму, когда Михаил переехал из большого Новосибирска в маленький городок Ангрен, что стоял у подножия пика Шахтёров в Узбекистане, кроме деда в посёлке умерло ещё трое мужчин, и оставшиеся без мужчин семьи переехали в Береговое. А про деда хозяйка туристической базы вообще ничего не слыхала. Больше узнать что-то о деде было не у кого: ни дату, когда он умер, ни где его похоронили.

Территория сначала отошла к одному хозяину, а потом уж её взял в аренду некий строительный комбинат, интересы которого эта женщина со своим мужем сейчас здесь и представляла. Да, она слышала о каком-то посёлке, но даже она его здесь уже не застала, только один домик, что у реки, остальные продали на дрова ещё прежние хозяева.

Рядом с обоих сторон тоже уже строились туристические базы, но ещё не были достроены и стояли временные небрежные отгородки из чего попало.

– Значит, через год-два здесь народа будет, как гороху, и кто-нибудь из них да набредёт на секретную землянку, а, значит… Значит, с иконами всё надо решить, как можно быстрее, то есть этим летом.

Шёл и думал, что плана у него нет никакого, и посоветоваться он ни с кем не может. Ведь тогда он нарушит данное деду слово никому, кроме того человека (священника), об иконах не рассказывать и землянку не показывать...

– «…Целуй крест с мыслями чистыми, с верою, что сохранишь заклад, да кому надо в своё время и передашь, а я молитву-то читать и за себя, и за табя стану…» – всплывают в памяти слова деда Семёна, что жил тогда на Рыбачем острове, сказанные им в предпоследнюю встречу рядом с землянкой в тот вечер, в который Михаил и раскрыл секрет этой землянки, точнее, что в ней-то и скрыт большой схорон с древними иконами, принадлежавшими когда-то церкви, которая была затоплена при заполнении Обского водохранилища.

– «…Сёдня мы ещё вдвоём с тобой об энтом знаем, а завтра-то ты один только знать будешь… Вот как оно получается…» – говорил дед Семён в последнюю встречу.

– Как так, дядь Сень? – спросил тогда ещё маленький Мишка.

– Сядь, время на всякие каки у нас уже нету. И других нет… Да если б и были, то ужо не успею. Успокой меня, старика, да я с миром-то и пойду…

– Куда?

– Туда…» – дед Семён тогда медленно поднял голову и долго-долго смотрел уже в ночное небо.

Вот и остался Михаил один на один и с тайной, и с тем, что пришло время сдержать обещания, данные им деду, но как?

5.

Этот вечер Михаил мог бы вполне обоснованно назвать вечером воспоминаний. Только улеглись в памяти две последние встречи с дедом Семёном, что с Рыбачего острова, как в памяти всплыл последний вечер с его родным дедом Семёном, когда они уже оба укрылись одеялами, но ни деду, ни Михаилу не спалось.

У деда в квартире несколько небольших иконок. Три маленьких стоят на полочке на кухне. В зале однокомнатной квартиры ещё три иконки небольших размеров, но они старенькие, уже более с блёклыми, выцветшими ликами.

- Дед, а почему у тебя на иконах один Бог добрый, а другой, что в комнате… м…м… сердитый (Михаилу хотелось сказать злой, но не решился). На одного и смотреть приятно, а на другого глянешь из темноты – страшновато становится…

– Ну так те иконки, что на кухне, Валя недавно из цервы принесла, а энти, что в комнате – я уж и не помню, когда у нас появились, от деда что ли достались. Много им времени, им годков-то больше, чем мне.

– А церковь в Боровом есть?

– А табе церковь-то к чему? Откуда интерес?

– Так бабушка куда-то ж молиться ходила?

– Да бегали бабы раз-другой в неделю. Ты и это запомнил?

Михаил этого не запомнил, он просто об этом ничего и не знал, но как-то ж ему надо было расспросить деда про церковь в Боровом, хотя по интонации он понял, что деда церковь не очень-то интересовала.

– Церква наша долгое время закрытая стояла. Почернела вся без ремонта. Рушиться начала. Потом уж, не сразу, разрешили её открыть, да уж там много что не в порядке было, полы местами просели, балки… Снова закрыли…

– А ты в церкви был? – спрашивает Михаил.

– Был и я пару раз. Церковь-то в Боровом деревянная, старая, последний раз уж в неё и не пустили – купол там что-то или крыша… сгнили напрочь… Я уж и не помню. Вот её тады опять-то и закрыли. А потом и батюшка помер, и годков этак три-четыре никого не было. А уж потом из Новосибирска кто-то приезжать раз в неделю стал, да домик, что напротив воинской части, снял – там крест сейчас на доме есть, легко найдёшь. А уж позжа и сам переехал, дом ему купили на той же улице, хороший дом – пятистенок! А вскоре и матушка перебралась, говорили, что церкву будет кирпичную ставить, да жена у него хворая была, за год до нашего отъезда с Валюхой умерла… Н-да… Батюшка тогда запил, в молельный дом редко показывался уж, бабы сказывали, а уж правда или нет – того не скажу. И стройка-то тогда вроде как прекратилась… Я как-то не интересовался, дел своих хватало…

– А где она стоит? – интересуется Михаил.

– Церква что ли?

– Ну да…

– Ты ж в кино с Колькой и Серёгой бегал, кода у нас летом был?

– Да, несколько раз.

– И что – не видел?

– Не-а…

– Так на пути в клуб мимо церквы как раз и ходили, она там справа по дороге, чуть не доходя перекрёста, только не в первом ряду.

Михаил мысленно прошёлся по тому переулочку, что связывал все четыре больших улицы Борового, и действительно вспомнил крупное, очень чёрное разрушающиеся здание. Только никакого купола там уже не было, да и крыша провалилась.

– Дед, а ты пьющему человеку доверил бы тайну? – спросил Михаил.

– Чево?

– Ну, дело серьёзное, информацию важную, тайну…

– А, в этом смысле, – дед немного помолчал, – спать-то ныне будем, тебе ж с утра в поездку.

– Да я уже привык мало спать, рано вставать. Пока уроки приготовишь – уж два часа, а электричка из Голованово до Перми в шесть пятнадцать, а домой из училища редко, когда раньше девяти вечера возвращаешься, это когда уж последней пары нет, как раз к девяти, а так – позже. Только по воскресениям и отсыпался. Там уж часов до двенадцати подушку давил.

– Про тайну, значит… Нет. Пьющему и дела бы не доверил, и тайны бы не открыл. Даже малой… Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вот случай у меня был…

6.

Михаил знал, что дед слыл хорошим рассказчиком и случаев интересных знал кучу. Предчувствуя интересную историю, он уселся на диван, положил подушку под спину, и укрыв ноги одеялом, замер.

– Весной раз нам заказ крупный в кузню пришёл: лемехи к плугам новые выковать да на основу заново заклепать, лемехи уж у мастерской стоят, а мы всё за работу-то никак не примемся.

А был у меня в то время знакомец один, мужик моложавый, на лицо, как артист, красивый да без дела долго шлялся, а тут в кузню-то и попросился, мол, к делу пристать желает.

Работал справно, ничего дурного сказать не могу, только работал он до того момента, пока ему рюмочка в рот не попадала, а уж коль попала – неделями по улицам гулял, песни орал да бабу свою побивал. Так- то… Он тогда за день-то до работы энтой и запил.

День стоим, ждём, другой. На третий с Николаем, помощником моим, пошли его на улице ловить. Уж только к вечеру его у околицы и словили, да связанным в кузню уж силком волокли. Тут же к верстаку и приковали до утра, чтоб не сбёг да к утру-то протрезвел. А уж с утра горны разожгли, да железо калить начали да на наковальню бросать, а Лёху-то (вспомнил только, как его зовут), Лёху-то к наковальне ближе перековали да щипцы дали, чтобы, значит, железо с горна хватать да на кузню подавать. Раз он её обронил. Другой. На третий только на наковальню-то положил тогда…

Я молоточком-то место удара показываю, а Николай молотом бить должен, да только заготовка-то гуляет из стороны в сторону. Николай раз промахнулся, другой, а уж в третий молот-то отбросил и со всего маха Лёхе в ухо-то по-деревенски и влепил, с матами так, смачно. Лёха, если б не прикованный был, из кузни бы точно вылетел, а так на длину цепи отлетел да и лежит. Подходим к нему, а он молит нас, мол всё понял, готов исправиться.

Мы тогда неделю-то домой не ходили. Бабы есть в кузню носили, но заказ выполнили день в день. Н-да…

И Лёха работал с нами безвылазно, но как только с кузни вышел, так вновь и запил, да пил уж не неделю – месяц его не видели-то. А уж потом прогнал я его. Нашто такой работник… И правду сказать, ведь подведёт, как пить дать – подведёт…

– Дед, а что такое правда? – спрашивает Михаил.

– Ты чё мне сегодня допрос устраиваш, спать-то будем аль нет? Тогда я покурю.

Дед присаживается на полутораспальную кровать, шарит на стуле спички.

Михаил тоже поднимается, открывает окно, подаёт деду папиросы, лежащие здесь же на подоконнике.

Дед закурил…

Помолчал…

Потом, уж прокашлявшись, спросил:

– Ты куришь, аль нет, Михаил?

– Курю, но очень редко, так, в охотку. Пачки на пару недель хватает.

– Мать знает?

– Нет, – качает головой Михаил.

– Н-да… Кури, если хочешь, – говорит он, сильно затягиваясь и выпуская в сторону окна плотную струю сизого папиросного дыма.

– Не, не хочу, так посижу, послушаю…

– Ну слушай… В каждом из нас живёт два человека: один правильный, другой – настоящий. Так вот даже энти двое-то не всегда общий язык находят да не всегда правду-то друг другу сказывают. Вот и меж них не у каждого согласия добиться-то удаётся, а уж коль удастся кому, тут и появляется настоящий человек. Да и у того правды-то одной быть не может.

– Как так? – удивляется Михаил.

– Ты вот про то, что куришь, ни матери, ни отцу не сказал, так?

– Так.

– А, значит, матери-то тогда соврал, что не куришь? – хитро щурится дед, пуская струйку дыма перед собой.

– Ну так-то просто, чтобы мама не ругалась, не переживала, – пытается оправдаться Михаил, – да и курю-то я редко-редко.

– А сказать, значит, слабо было?

Михаил жмёт в ответ плечами.

– Значит, курил тайно? – гнёт своё дед.

– Ну да, – опустив глаза в пол, тихо и неохотно отвечает Михаил.

– Ну вот, а то и не подумал, что скажи ты, что куришь, да мало, да редко, да почему, может мать бы и поняла, да и не таился бы тогда, а значит и обмана не было бы, и совесть у тебя сейчас чиста была. А?

– А не поняла бы, да ремня отец тогда бы точно всыпал, – говорит Михаил.

– Ну и всыпал бы, это дело уже другое было бы, а так что сейчас имешь? Вот она, правда-то кака – у всякого своя, да ещё и не одна порой… Всё, завтра договорим. А сейчас спать будем – ложись!

– Дед, а почему я в паспорте у отца не вписан?

– Как не вписан? Откуда знашь-то? – насторожился дед.

– А один раз, когда возил его зубной протез на ремонт в мастерскую, он мне свой паспорт давал. У меня тогда ещё своего не было.

- Так это… ошибка здесь какая… иль забыли, – как-то заметно растерялся дед, не находя ответа.

Закрыв окно, Михаил ложится на старый чёрный диван и ещё долго не спит – разговор про правду сильно задел его…

– А дед-то прав… – думает он, уже засыпая.

Радиорубка освещена только светом луны. Лёжа ещё на заправленной железной старенькой кровати, Михаил только сейчас подумал:

- И надо же, обоих стариков звали-то одинаково! Раньше он об этом и не подумал.

После этой мысли он вышел из комнаты, тихо спустился по ступенькам на бетонные плиты, что лежали перед входом на кухню, и долго бродил по даче, пока за теми берёзами, что у горохового поля, не начал алеть закат…

Глава шестая

БОРОВОЕ

Чернота ночи постепенно начала сменяться серостью. Послышались ещё неуверенные одинокие голоса просыпающихся птиц, пока их совсем немного, но с каждой минутой всё больше и больше, и вот уже можно услышать целый ансамбль, который в самом скором времени должен превратиться в весёлый лесной хор.

Восход алеет и разгоняет утренние сумерки – светает! За закруглением соснового бора появляется краешек солнца и медленно-медленно растёт.

1.

Михаил, наблюдая эту картинку, и не заметил, как по металлической лестнице со второго этажа панельного корпуса кухни спустилась тётя Таня, подошла к столику со скамейками на краю берёзовой рощицы и присела рядом:

– Миша, так ты что ж, спать не ложился или встал так рано?

– Доброе утро, тётя Таня! – улыбнулся Михаил.

– Понятно… Доброе… А что так? – смотрит на восход солнца тётя Таня. – Восход встречаешь?

– Тётя Таня, мне в Боровое надо!

– Так иди, раз надо, вот позавтракаешь и иди. Ты ж теперь не отдыхающий – сотрудник, сам волен в своём свободном времени.

– Так дети же сегодня приезжают?

– И что? Пока выгрузятся, расселятся, то да сё, – разводит руками тётя Таня. – Твоя работа не раньше завтрашнего дня начнётся и то, если всё нормально будет, а то и через два дня. Пойдём завтракать, – она поднимается со скамейки и направляется в сторону кухни.

Повеселевший Михаил идёт следом.

Ночь размышлений ничего не дала, а уж с восходом солнца ему и пришла эта простая мысль, что надо срочно сходить в Боровое, отыскать церковь, батюшку, поговорить с ним, коль удастся, а уж там и размышлять над тем, как ему дальше быть и с землянкой, и с иконами. Если дело затянется, то землянку надо как-то укрепить и чуток подшаманить. А если…

Что-то в лучшее ему пока не очень верилось, уж больно нелестный был отзыв деда о батюшке, как такому довериться?

– Бориска, так его наши меж собой в миру кличут, а уж как его звали по церковному-то и не помню, – сказал ему утром дед, когда они прощались у двери. – Ну, ты работай там, обо мне не думай. Продукты есть, квартиру ты помыл, а уж до отца три-пять дён осталось – продержусь.

Деду явно стало получше, и вчера он выходил на костылях посидеть на лавочке возле подъезда. Михаил сначала хотел помочь ему спуститься, но тот твёрдо сказал:

– Сам, сам, ты меня перед бабами-то не срами.

Сам вышел, сам сел и долго улыбался прохожим…

– Ты иди, иди, знаю, хотел друзей проведать, так беги! Я тут чуток посижу, с бабами покалякаю, а уж к обеду поднимусь.

– Сам поднимешься? – спрашивает Михаил, вглядываясь в ожившее лицо деда.

– Сам не поднимусь, кто-нибудь да поможет, ступай с Богом. Нечего тебе у деда под боком дни просиживать, не молодое это дело…

В дверном проёме подъезда показалась соседка деда (Михаил не запомнил, как её зовут, у него вообще память на имена и даты была плохая).

– Ой, Вера! Ты глянь – Сеня во двор вышел! – она развернулась и, кряхтя, начала подниматься по ступенькам, а уж через пару минут спускалась вместе со своей сестрою.

Михаил успокоился за деда и направился к остановке автобуса. Если ему удастся, то он сегодня увидится со своей первой учительницей Марией Измаиловной и друзьями-одноклассниками из 182 школы, что на Затулинке. А уж завтра и на дачи…

2.

– Ну, Бориска, так Бориска, – подумал Михаил, выходя утром на грунтовую, петляющую меж берёзовых околков дорогу, ведущую к Боровому.

Дорога ещё была плохо наезжена, местами распадалась на кучу объездов-времянок, и почти везде виднелись ещё непросохшие лужи, а местами была откровенная грязь, но зато пыли абсолютно не было.

Их дачи въезжали в этом году первые, и потому репродукторы остальных дач и пионерских лагерей, цепью расположенных вдоль правой стороны дороги до самого Борового и примыкающие одной стороной плотно друг к другу, выглядели пока сиротливо – почти никакого движения… Тишина.

Дорога не близкая, на попутку рассчитывать пока не приходится, зато на ходу легко думается и вспоминается.

Он перебирает последние события и останавливается на двух предпоследних днях, проведённых им в Новосибирске –тогда ему пришлось отложить встречу со своими одноклассниками на один день.

Утром, приготовив чай с бутербродами, он спросил деда:

– Дед, а купаешься ты как?

– Да как получится, – уклончиво ответит тот.

Михаил осмотрел ванну, несколько очищенную им вчера и всё, что в ней находилось: старенькая однокорпусная цилиндрическая «Сибирь» с ручным отжимом белья, шаткая, видавшие виды маленькая табуреточка, почти полностью облезшая, в мыльных подтёках, кусок хозяйственного мыла, початая пачка стирального порошка, мочалка, стаканчик с зубной щёткой, баночка с зубным порошком, редкий деревянный гребень, безопасная бритва и уже вскрытая пачка с безопасными лезвиями «Восток». Ещё несколько мелочей, которые к ванной имели весьма натянутое отношение.

– М-да… Видимо, на этой табуреточке и моется, когда залезть удаётся, – подумал Михаил.

Собрался и тихо ушёл в магазин. Купил белой краски, банное мыло, зубную щётку, пару тюбиков зубной пасты, шампунь, немного гвоздей, шурупов, пластиковых вставок под шурупы, длинную мочалку со столь же длинными ручками-лямками. А вот длинную, деревянную ручку пришлось поискать. Когда всё это было собрано – задумался, а где взять деревяшки? Магазина, торгующего стройматериалами из дерева он не знал, а узнав у прохожих, где тот находится, понял, что это очень далеко.

– Ну вот, деньги потратил, а из чего делать и не подумал, – размышлял он на обратном пути.

И всё же случай в этот день был на стороне Михаила – уже рядом с домом деда, недалеко от большой помойки, что спряталась между двумя пятиэтажками, Михаил увидел выкинутый старый диван…

– О! Вот здесь деревом и разживёмся, – повеселел Михаил и оставшийся путь не шёл, а бежал.

Через час диван был нещадно бит молотком (другого ломательного инструмента у деда не нашлось) и расколочен на рейки, бруски и досточки. Все необходимые части Михаил связал бельевой верёвкой и взвалил на спину.

Ещё пара часов работы и сидушка с упорами на края ванны была готова.

– Чё получается-то? – заглянул дед в проём двери.

– А то и получается, что сегодня купаться будем! – улыбается Михаил. – Пройди сюда, покажи, где тебе ручку прикрепить, чтобы удобно было в ванну залазить.

– А не зря затеял-то? А как съезжать? – спрашивает дед, но проходит и примеряется, где же ему будет удобней взяться. – Вот сюда крепи, как раз будет…

– А съезжать будете, просто заберёте и на новом месте точно пригодится, – улыбается Михаил, пробивая старым сверлом дырку под пластиковый дюбель, после чего быстро прикручивает длинную деревянную ручку.

- Вот сейчас покрасим сидушку в белый цвет и вечером можно будет купаться! – улыбается Михаил своей работе.

– Так не высохнет? – говорит дед.

– А я нитру купил – два часа и сухо! – поясняет Михаил.

– Банка-то больно большая! – дед кивает головой на большую банку нитрокраски.

– Остатки на окно на кухне пойдут, оно совсем облезшее, – говорит Михаил.

– Нитра-то завоняет всё! – говорит уже выходящий из ванной комнаты дед.

– А мы дверки сначала прикроем, а окна откроем, через пару часов и порядок будет! – улыбается Михаил.

Вечером дед разделся, без его помощи залез в ванну и сел на массивную широкую сидушку, что легла упорами на края ванны, а само сидение находилось ближе к воде.

Пока дед залазил, Михаил несколько раз пытался ему помочь, но всякий раз дед одёргивал его:

– Сам, сам, не маленький. А как тебя не будет рядом…

Сильные руки кузнеца делали своё дело, компенсируя слабость дрожащих ног, и Михаил убедился – дед ещё ничего – сам справится!

3.

Михаил за размышлениями и не заметил, как дошёл до Борового. Вот и развилка дорог: та, что прямо – отделяет Боровое от летних военных лагерей, та, что налево - идёт в обход села к старому Новосибирскому тракту. Есть ещё малоприметная тропинка вдоль околицы, вот по ней-то Михаил и пошёл быстрым шагом.

Первый дом с краю третий улицы – дом Сергея.

Ворота новые, тропинка к входу малоприметная. Михаил заволновался – что-то здесь не так.

Постучался. Нет ответа, постучался ещё раз. Молчок.

– Ты ково ищещ-то? – спросил его голос из-за спины.

Седой старичок с довольно красивой окладистой бородой, как мел, облокотившись на крепенький старый посох, смотрел на него плохо зрячими глазами.

– Я к тёте Клаве, к сыну её Сергею, – как-то не нашёл, что сразу ответить Михаил.

– Так они, это… Уже давно перебралишь на тот край деревни-то, Клавке ходить на дойку далеко штало, ноги-то болят, вот они и поменялишь. А энти-то уже два года, как в городе живут, редко здешя бывают. А ты щейный будешь-то, не ужнаю?

– Я Михаил, к деду Семёну, что на кузне работал, на лето приезжал, вон в тот дом, - показывает рукой Михаил на четвёртый дом от края деревни, расположенный на этой же стороне улицы, что и бывший дом Сергея.

– Мишка, Мишка… - шамкает беззубым ртом старик. - Не припоминаю тебя чтой-то… А, это не тот, кто вон енту лужу вмеште с гущями вжорвал? – показывает дед на большущую лужу, что расположена прямо по центру улицы и оставляет только маленькие проходы межу краями и заборами с обеих сторон.

Михаил неожиданно для себя краснеет.

– Вижу, тот! Ну, щпанец ещё тот был… Так ты иди вон туды, - показывает он рукою, - а там в проезде-то свернёшь налево и по шошедской улице на ту штрону до конца, а там шлева – пощледний дом, – уже более миролюбиво говорит старичок.

Он-то его признал, а вот Михаил деда, как не силился, узнать не может.

Попрощавшись, Михаил поднимается вверх по улице, на минутку останавливается перед бывшим домом деда Семёна, затем идёт к следующему – здесь живут Колька и Витька.

И тут не оказалось никого.

Уже у соседей Михаил узнал, что Колька уехал куда-то на Чёрное море поступать в мореходку, а остальные уехали к родственникам в другой район, когда назад будут – не сказали.

Что ж, надо идти искать новый дом Сергея.

4.

Новый дом Сергея оказался далеко не новым и не таким большим, как прежний: сруб уже почернел, вокруг дома старенький забор, с полузапущенным садом-огородом, покосившийся сарай со старой деревянной крышей, на которой местами уже поселился мох.

Михаил слегка расстроился – вот ведь жили в каком красивом просторном доме, с таким ухоженным участком, огромным садом и пасекой. А теперь?

А теперь его встретили разлетевшимся в разные стороны помидором, что ударился в приоткрытую им калитку и звонким женским криком:

– Я тебе налью, я тебе сейчас туда налью, куда клизму вставляют и чем нужду справляют!

Михаил видит на покосившемся крыльце дома молодую девушку в одних сереньких трусиках, что едва прикрывает скромное место, которая с азартом футбольного болельщика расшвыривает солёные помидоры из большой глубокой чашки, совершенно не обращая на Михаила внимания.

– Ты, гадина такая, и днём уже жрать водку удумал. Харя-то не треснет! – продолжает она метать помидоры, не очень-то целясь в объект своего негодования.

Объектом негодования является крупный, тучный, белый-белый мужчина, который мечется по дворику в одних чёрных семейных трусах, прикрываясь большущей задвижкой от русской печи.

– Танюха, я ж капельку, только для аппетита, – узнаёт Михаил голос Сергея.

Сергей тоже его не замечает, но видно, что он не очень-то побаивается той красавицы на крылечке и для него всё происходящее скорее лёгкое развлечение, чем семейная ссора.

– Мимо! – в очередной раз выкрикивает он, выглядывая из-за своего щита и в этот раз очередной помидор попадает ему точно в лоб. Сергей поскальзывается на луже, что посередине двора, щит его летит высоко вверх, а он, проделав несколько круговых движений руками, плюхается на спину, поднимая большой фонтан грязных брызг.

- Есть! – громко звучит голос Татьяны, что делает характерный жест локтем вниз, сжимая при этом кулак. - Попала! – радостным голосом победителя кричит она, поднимая обе руки вверх.

Из чашки помидоры и сок льются ей прямо на голову, на пышные длинные волосы, разметавшиеся в пылу сражения по её точёным белым плечам. Волос липнет к лицу, она роняет чашку и пытается убрать волосы с глаз. Соль щиплет глаза, и радостный голос быстро меняется на мольбу: – Серёжа, Серёжа, помоги… – и в следующую секунду:

– Ой… О-о-о! – это она увидела Михаила.

Руки инстинктивно прикрывают сначала маленькие трусики, потом резко перескакивают на упругую, грудь, что большими дольками торчат чуть в стороны.

– Серёжа, это кто?!

– Мишка! – кричит Сергей, быстро поднимаясь, поскальзываясь и опять падая в лужу, и только потом уж – встав на четвереньки, подбегает к открытой Михаилом калитке.

5.

– Сейчас Танюха моя накроет, по рюмочке махнём! – радостно тараторя своим высоким звонким голосом, почти кричит Сергей, присаживаясь за стол, что рядом с крыльцом дома.

– Сидай, Миха! Я так рад, так рад… А Колян со мной вместе работал да неделю назад на Украину укатил, родственники какие-то у него там. В мореходку собрался. Не хочу, говорит, больше поваром быть - хочу плавать, – тараторит Сергей без перерыва.

– А это моя Танюха! – обнимает он за талию подошедшую сзади молодую пышногрудую красавицу.

– Ты штаны-то надень, гостя встечашь ведь! – улыбаясь и заливаясь краской, говорит Татьяна, подавая Сергею низ синей олимпийки с широкими красными лампасами.

– А, не сахарный, не растает! Это ж кореш наш с Коляном, из Узбекистана приехал! – продолжает он звенеть на всю округу.

Татьяне на вид лет шестнадцать-семнадцать, не больше. Михаил пока никак не поймёт – Сергей что, женился что ли? Похоже, но как их тогда расписали?

– Я сегодня во вторую смену, так что до двух часов можем и гулянуть! – продолжает Сергей.

– Я тебе гуляну! – строжится Татьяна, но на лице у неё улыбка.

– Ишь чего последнее время удумал, как вторая смена, так ему рюмочку к обеду подавай!

– Так то-ж не ради пьянства, а настроения ради – для души!

– Ишь ты, душевный какой! – снова начинает чуть сердиться Татьяна, уходя в дом и вскоре возвращаясь с тарелками свежего пахучего борща. Потом опять быстро убегает, приносит хлеб, солонку, ложки и вновь ненадолго забегает домой. Теперь она в лёгком голубеньком ситцевом платьице, что сильно выше колен и плотно облегает её упругие груди.

– Ну, рассказывай, Миха, как там узбеки поживают, как хлопок собирают?

– Да я уже два года, как в Перми учусь в музыкальном училище, – говорит Михаил.

– О-па! А что не писал? – удивляется Сергей.

– Мы, когда из Узбекистана в Пермь переезжали, коробку с письмами где-то потеряли. А все адреса там… – извиняющимся голосом говорит Михаил.

– А Пермь – это где? – спрашивает Татьяна, что пристроилась на скамейке рядом с Сергеем.

– Это на среднем Урале, – поясняет Михаил, чуть улыбаясь Татьяне.

– Ну вы даёте, то к узбекам, то на Урал. Мы вот сюда еле-еле перебрались. Переругались все… – хихикает Сергей, смачно уплетая борщ с деревенской сметаной.

– Ты по рюмашечке-то налей за встречу! – обращается Сергей к Татьяне, вновь обнимая её за талию.

Татьяна снимает руку Сергея с талии, чуть отодвигается, смотрит вопросительно на Михаила.

– Сергей, не надо, я не пью, – говорит Михаил.

– Что, совсем не пьёшь? Беленькой, по махонькой! – показывает он большим и указательным пальцем предполагаемую дозу спиртного.

– Совсем не пью. Ну вот ни грамма…

– Ну и я не буду, – как-то неуверенно говорит Сергей, чуть опуская глаза в стол. – Совсем не буду…

Татьяна облегчённо вдыхает, и на лице её опять появляется приветливая улыбка.

– А знаешь, как мы с Танюхой познакомились? Я тогда уже в Новосибирске на повара учился и летом на каникулы приехал, а нам тогда «Вий» привезли в клуб. Вот я, Колька и Витька купили билеты да стоим – - семечки лузгаем, а эта пигалица подкатывает и говорит: «У вас нет лишнего билетика?» – и глазами на меня зырк, а Колян возьми да и отдай ей тогда свой билет – во друган, да?! И Витька тогда через минуту тоже по делам отвалил, мы с Танюхой-то в кино рядом и оказались!

– Ну что это за знакомство?! Поцеловались потом в кустах да разбежались, – возражает Татьяна, – знакомство-то у нас на третий день после этого было…

– Дай-дай я расскажу! – перебивает её Сергей.

6.

– Колян-то тогда с братом на следующий день сходили в кино и ко мне прямиком, мать-то уже спала, а мы вот за этот столик сели и шепчемся.

Колян и говорит: «А церковь-то у нас как раз на ту, что в кино похожа – такая же развалюха» а потом план свой рассказывает: «Соберём чучело чёрта из тряпок да к вечеру-то у входа его и посадим перед тем, как Бориска с матушкой придут, они тоже в кино с нами были. Вот и посмотрим: боятся они чертей или нет?» Во как!

Михаил рад новой теме – хоть что-то про церковь и батюшку узнает от Сергея, а то Татьяна, видимо, никуда уходить не собирается, и разговора с Сергеем с глазу на глаз у них сегодня явно не получится.

– Ночью чёрта собрали да к церкви в кусты и унесли, а уж на следующий день вечером Витька на крышу залез, и через провал чёрта в церковь спустил и лицом к проходу посадил. А сами мы в кусты, что напротив хода – шасть – наблюдаем, что будет…

– И не страшно им по ночам в церковь-то лазить, туда и днём-то никто не ходит! – хихикает Татьяна, которая точно слышала эту историю уже не один раз.

– А вечером, когда уже темнеть начало, как по часам батюшка с матушкой пришли, перед входом встали, перекрестились, и церковь-то Бориска отпёр и матушке говорит, мол, иди, а я позже зайду - воздухом подышу.

Та в церковь-то зашла, да пулей вылетела, да по крыльцу на четвереньках, как кошка, спускается и вопит на всю деревню: «Черти, черти в церкви-то!..»

Татьяна прыснула от смеха, но тут же взяла себя в руки: – Ой, простите…

Сергей продолжает: – А Бориска, значит, растерялся, по двору бегает да матушку поднять пытается: «Что ты, что ты, какие черти в церкви…», а сам на церковь косится, а зайти боится.

– «Там, у входа сидят, глазами зыркают!» – говорит матушка. Ну, он крестом перекрестился да в церковь-то бодро и пошёл, только чем ближе к церкви, тем тише ступает, а тут ветерок возьми да дверью церковной-то и хлопни – Бориска-то на попу с размаху и сел да креститься так часто стал, что аж в глазах рябит.

А потом к двери подскочил и на замок её запер, матушку под руку взял, и побежали они домой так, что ряса у него парусом надулась. Витька-то тогда снова в церковь слазил, чёрта из неё и вытащил.

Бежим мы от церкви по улице, где единственный фонарь горит, а так уж темно, ничего не видно. Мы из-за угла-то под фонарь – шасть, а там бабы на службу идут, в платках чёрных, а чёрт-то у Коляна в руках. Ох уж они заголосили: «Чёрт, чёрт, батюшки, чёрт…» – да в разные стороны и бросились.

А уж на следующий день батюшка к Кольке домой пришёл, да отцу его, дядь Коле, всё и рассказал, видимо, со слов бабок тех. А Николай, хоть и неверующий, тогда ремень взял да обоих, не смотря на возраст, так отходил, что они ещё дней семь на попу сеть не могли…

Татьяна снова прыснула коротким смехом и снова зажала себе лицо руками: – Ой, простите!..

– А потом батюшка к нам зашёл да матери моей пожалился. Я вечером прихожу от пацанов, а мать меня с палкой ждёт – весь вечер по этому двору гоняла, ох и натерпелся я тогда страху, я её такой злой никогда и не видел. Догнала бы – убила, наверное.

– Точно, убила бы, я видела! Мы как раз вот в тех кустах встретиться с Сергеем договорились, а его нет, а я слышу, как кто-то по двору бегает да на всю деревню орёт: «Ой, ой, убивают, спасите…», а потом как через забор сиганёт да не перепрыгнул, а проломил его и в эти кусты бегом. Если б я его тогда не поймала, бежал бы до города! – смеётся Татьяна.

– Ну вот так, как-то до утра мы тогда и познакомились, чёрт попутал – пробует отшутиться Сергей.

– Но-но, без чертей дело-то было – полюбовно! – игриво сердится Татьяна.

– Когда расписались? – спрашивает улыбающийся Михаил.

– Да-к так живём, ей ещё только шестнадцать недавно стукнуло. Мамка моя согласилась…

– Да и мои не против, говорят – живите, раз любо! – улыбается Татьяна.

Михаил смотрит на часы – без десяти два:

– Тебе на работу ко скольки? – спрашивает он Сергея.

– К двум, а что?

– Так беги, десять минут уж осталось! – улыбается Михаил.

– Я ща… Ты меня только здесь подожди, мы ведь ещё ни о чём с тобой не поговорили. Вот с Танюхой чай попейте, а я мигом – борщец сварганю и домой.

– Давай, беги. А мы тут с Мишаней чаи погоняем да про жизнь поговорим, – как-то уж больно заговорщицки говорит Татьяна.

– Чево? – останавливается натягивающий уже чистую рубаху Сергей.

– С поварами-то я про жизнь уже разговаривала, а вот с музыкантами-то мне ещё когда случай выпадет, – улыбается ему в лицо Татьяна, ставя руки в боки.

– Ты чего, Танюха?! Это же Миха, друган мой!.. – как-то почти петухом вылетело у Сергея.

– А с друганом-то ещё крепче разговор выйдет, а?! – хитро улыбаясь и косясь на Михаила, шепчет заговорщицки Татьяна.

– Да ладно, шучу я, иди к своим щам, – и уже к Михаилу – чайку ещё не желаете, господин заезжий музыкант?

А дальше у них всё понеслось уже по второму кругу, только теперь уже убегала Татьяна, а Сергей, рванув рубаху на груди, неуклюже её догонял.

Михаил улыбнулся им вослед – весело живут – и не дожидаясь финала этой сцены, так и не попрощавшись, вышел за калитку.

Говорят, люди с разными характерами живут дружно…

Как жили Сергей с Татьяной, Михаил из этой короткой встречи так и не понял. Характер у Сергея остался таким же приветливым и дружелюбным, Татьяна - та позадиристей будет… Вроде любят друг друга, лица сияют, а большего, видимо, им и не надо, раз двор такой да хозяйство на нуле. Главное в душе радость, а уж как она выплёскивается наружу – не суть важно…

– Ладно, пойду искать батюшку, – решил Михаил и направился на ту улицу, что была первой от военных лагерей, хотя оптимизма по поводу предстоящей встречи с батюшкой после рассказа Сергея у Михаила явно поубавилось.

глава седьмая

БОРИСКА

Напротив Борового, в сторону моря – летние военные лагеря. Они спрятались в сосновом бору, и здесь бор, в отличие от пионерских лагерей и детских дач, начинается сразу – без березняка.

Одноэтажные деревянные казармы выкрашены в тёмно-зелёный цвет и теряются в тени высоких сосен. Ближе к деревне на небольшом открытом пространстве расположились спортивные площадки и разные турники. Потом высокий забор и большие глухие ворота со звездой. Рядом – сторожевая будка, и видно, как часовой в полевой форме, шляпе с полями медленно прохаживается вдоль въезда на территорию лагеря. У него за плечом короткий карабин с примкнутым штыком, который время от времени ярко поблёскивает, когда часовой делает поворот.

Боровое и военные лагеря разделены большим ровным полем, на котором бархат зелёного ковра ещё молодой травы с редкими вкраплениями полевых цветов.

1.

Михаил сидит на невысокой свежеструганной скамейки у дома батюшки. Рядом, через три двора, почти такой же дом с крестом на лицевой стене и небольшой малоприметной табличкой: «Молельный дом».

И тот и другой дома выделяются на улице опрятностью и свежей краской окон и дверей. И там, и там в палисадниках густые заросли сирени, разбавленные черёмухой, и там и там высажены цветы…

Одно отличие всё же есть – палисадник батюшки окружён невысоким свежеокрашенным заборчиком, за которым уже стоит сплошной, тоже выкрашенный в зелёный цвет, чуть выше нижнего края окон, забор.

У молельного дома палисадник не огорожен, ворота старые некрашеные и рядом с ними длинная уже почерневшая от времени гладкая скамейка.

Никого на улице нет – лето в деревне – время не для прогулок – все заняты делом: кто своим хозяйством, кто с утра уже на работе в колхозе. Слышны только редкие голоса петухов, да вон большая стайка белых откормленных гусей отправилась вереницей к большой луже, выделяющейся серо-синим пятном на зелёном полотне поля. И тишина. Даже ветра нет…

Только Михаил решил немного вздремнуть, как ему показалось, что кто-то упёрся взглядом в его спину. Открыв глаза, он насторожился – никого нет. Чуть помедлив, осторожно поворачивает голову назад, как бы рассматривая цветы в палисаднике, и быстро поднимает глаза на окна дома.

– Занавесочка чуть колыхнулась! А, нет… Форточка открыта, – успокаивается он и вновь пытается расслабиться и подремать – на жаре бессонная ночь даёт о себе знать.

Сквозь дрёму слышит приближающиеся к нему шаги, вновь открывает глаза.

Мимо проходит шаркающим шагом старушка, останавливается напротив Михаила – пристально смотрит на него:

– Батюшку ждёшь али как?

– Да, бабушка, – поднимается ей навстречу Михаил, – вот только не знаю, как его зовут.

– Эка?! Ну, да… приезжий, местные-то все знают. Матушку Глафирой Сергеевной кличут, а батюшка – Отец Алексий - Алексий Никифорович.

– А как же Борис? – спрашивает Михаил.

– Борис-то он в миру, да ты так-то ему не говори, не любит! – она ещё какое-то время смотрит на Михаила. – Давно сидишь-то, видно, очень нужно?

– Да, очень.

– Ну так он с утра в город поехал, а уж к вечеру-то вернуться должен, а матушка что – не дома?

– Да стучался, никто не отвечает, – пожимает плечами Михаил.

- А, ну да, ну да… Так ты жди, коль очень надо, скоро уж приедет, вот – солнце на закат пошло… Уж недолго, – последние слова она говорит, уже уходя по натоптанной тропинке, идущей мимо палисадника, слегка шаркая старыми галошами, одетыми на обрезанные валенки.

Только Михаил вновь закрывает глаза, как чувствует, что кто-то опять смотрит ему в спину. Тогда он встаёт и начинает прохаживаться вдоль забора, изредка поглядывая исподлобья на окна дома.

– А нет, вот ещё занавесочка шелохнулась. Есть кто-то в доме, да открывать не хотят! – это догадка как-то несколько расстроила Михаила, он даже остановился, чтобы развернуться и уйти, но чуть подумав, снова сел на скамейку и закрыл глаза:

– Буду ждать, – сказал он себе вслух.

2.

Ещё минут тридцать ничего, абсолютно ничего не происходит, и Михаил начинает дремать и уже сквозь дрёму, слыша шум приближающегося автомобиля, открывает глаза.

Из проулка, покачиваясь на кочках, медленно выползает синяя сильно запылённая «Победа», разворачивается на перекрёсте и так же медленно, совсем не пыля, подъезжает к дому батюшки.

Мужчина в гражданском вытаскивает из машины большую плетёную корзину, прикрытую белым рушником с несложным узором по краю, затем берёт в другую руку старенький чёрный школьный портфель, который так набит чем-то, что непонятно, как его удалось застегнуть.

Михаил, увидев этот портфель, невольно улыбнулся. Девчонки в седьмом-восьмом классе в Узбекистане ходили в школу точно с такими портфелями, а уж потом в училище он больше таких и не видел.

Мужчина пытается вытащить из машины ещё небольшую, но, видимо, увесистую, коробку…

– Что улыбаешься? Помог бы! – не оборачиваясь к Михаилу, говорит мужчина. – Вон, хоть до калитки донеси…

Михаил подходит к «Победе», вытаскивает коробку с заднего сидения (ого, тяжёлая!) и несёт её впереди мужчины, ставит у калитки и отходит к скамейке.

Мужчина зажимает портфель между ног, тот слегка скользит… Это повторяется ещё пару раз, но ему всё же удаётся вставить ключ в замок дверцы и закрыть машину, после чего он с глубоким вздохом, чуть подняв на мгновение глаза к небу и что-то быстро одними губами проговорив, направляется к калитке.

– Меня ждёшь? – не глядя на Михаила, говорит он на ходу.

– Да, вас! – отвечает Михаил.

– Ну, жди, скоро выйду, – бросив короткий взгляд, отвечает мужчина, и локтем нажав на рычаг большой металлической ручки самодельного запора, открывает калитку…

- Н-да… – думает Михаил. – Не очень-то дружелюбная встреча намечается…

Михаил присаживается снова на скамейку и закрывает глаза – дрёма уже сильно навалилась на него.

3.

– И каков предмет нашей с вами беседы, молодой человек? – довольно уверенный голос уже пожилого мужчины выводит Михаила из состояния глубокой дремоты.

Солнце явно клонится к вечеру и уже не так палит, но воздух ещё не свежеет.

– Ничего себе вздремнул, – мелькнуло у Михаила после того, как он взглянул на часы.

– Торопишься? – мужчина вопросительно смотрит на Михаила и не спеша присаживается рядом. Он уже одет в чистое, хотя ещё и не в церковном. – Знаю, давно сидишь – матушка рассказывала. Раньше приехать должен был, да вот дел навалилось, потому и припозднился. Как зовут-то тебя?

– Зовут Михаилом. А вас как звать?

– А меня батюшкой зови, так оно проще будет. Беседу-то о светском вести будем, иль другой какой интерес? Только ты коротко, мне ещё на службу собираться.

– Коротко… – Михаил об этом как-то и не подумал, да и как это можно рассказать коротко обо всё том, что вот уже пять лет хранится в тайнике его души.

– Молчишь? А время-то уже пошло… – голос батюшки стал более дружелюбен. Он приподнял глаза вверх и смотрит на закатное солнце, чуть щурясь. – Коль коротко не получится, тогда другое время выбирать будем, – добавляет он после небольшой паузы.

– Значит так, – решается Михаил и при этом сильно стукает себя ладонями по коленкам.

– Э, так не пойдёт, успокойся и не торопясь, хоть и поспешая, изложи самую суть! – кладёт свою руку батюшка на руку Михаилу, и Михаил чувствует тепло чуть мягкой, хорошо ухоженной кожи ладони батюшки. – Вижу, ненашенский ты, я среди деревенских тебя вроде бы и не встречал. Издалёка приехал?

– Так и вы вроде пришлый здесь, – не сдержался от колкости Михаил, и тут же сам себя оборвал…

– Это кто так сказывает, а? – спросил батюшка, чуть сведя брови и наклонивши голову немного вперёд и в бок так, чтобы теперь смотреть прямо в глаза Михаилу.

– Дед Семён так говорил, что неправда? – отворачиваясь от прямого взгляда батюшки, бросает Михаил.

– Это который? – задумывается на мгновение батюшка. – Не тот ли, что на кузне годков так шесть-семь тому назад работал? Других-то Семёнов на селе что-то не припомню… А потом вроде как захворал и в город уехал.

– Да, это мой дед, – чуть успокоившись, говорит Михаил.

– А ты, значит, Михаил, внук его? Ну теперь кое-что уже стало ясно. Жена у него ещё была – такая полная, бойкая, вроде как Валентиной звали? Жива ли ещё?

– Нет, бабушка в конце этой весны померла, недавно схоронили, – опускает глаза вниз Михаил.

Батюшка крестится и что-то быстро перебирает губами:

– А дед как, выздоровел или хворает ещё? – тихо спрашивает он Михаила.

– Дед теперь еле на костылях передвигается, – - ещё тише говорит Михаил.

Вновь батюшка быстро крестится и нашёптывает что-то себе под нос и уже потом к Михаилу:

– Вот так и продолжай – спокойно.

– А дело такое… – подбирает слова Михаил, уже не сердясь на батюшку. – Жил лет пять назад на Рыбачем острове один дед да перед смертью мне одну историю рассказал, что когда Обское водохранилище водой наполняли, то деревни, в которых они жили, под воду ушли, и церкви там были… – Михаил останавливается и смотрит на Батюшку, тот ещё больше нахмурится и взглядом упирается ему в глаза:

– Ну, продолжай…

– Так вот, сделали те мужики, что в деревнях тогда жили, землянку, а местный батюшка в ней все церковные иконы и схоронил…

– Постой, постой, – прерывает его батюшка и встаёт со скамейки, – это я уже слышал не раз. Наши местные про это сказывали да мальцы, как их… м-м-м… – Виктор и Саша…

– Коля и Витя, – поправляет его Михаил.

– И их знаешь? – оборачивается и становится к нему лицом батюшка. – Сорванцы ещё те! – в его голосе мелькнули какие-то ещё непонятные Михаилу нотки. – Весь бор тогда перерыли, шалопаи! Степаныч, лесничий, тогда ко мне ещё приходил, просил унять мальцов-то. И в школе им уже говорили, и в сельсовет отца тогда вызывали, а они всё копают и копают… Значит, и ты вместе с ними? – смотрит он на него с укоризной.

– Нет? Что вы? Я сам по себе. Я тогда ещё с мамой на дачах отдыхал, тех, что с краю бора. Она у меня тогда поваром работала, – пытается смягчить ситуацию Михаил, понимая, что батюшка на мальчишек всё ещё очень сердит.

– А теперь ещё один такой же в Боровом завёлся, только уж далеко не молодой для такого дела, и тоже всё ходит да народ пытает, да в бору целыми днями пропадает. Совсем не хороший стал, жена мне жаловалась на днях, уж и ночами иной раз пропадает. Вот уж верно, что мал, что стар… На пенсию вышел и туда же за пацанами – клады искать. А теперь ещё и ты с этой байкой… Я думал, ты по делу пришёл, да столько сидел-то тут, а это выбрось из головы –

нет этого. Так, болтают только, и всё, - последние слова батюшка говорит, уже направляясь к калитке.

– А если я не только слышал, но и видел? – вслед ему выкрикивает Михаил.

Батюшка останавливается у калитки, молчит, а потом, чуть рассердившись и не глядя на Михаила:

– Тьфу ты, как ты мог видеть то, чего нету! Иди, иди, родной. Не вводи во искушение…

Батюшка уже торопливо начинает открывать калитку, чтобы как-то отделаться от Михаила.

Михаил тоже быстро поднимается со ступенек и делает несколько шагов за батюшкой:

– Так если что надумаете, то приезжайте на ДСК, я там сейчас работаю, – уже вослед закрывающейся калитки громко говорит Михаил.

– Ступай с миром, – слышит он уже спокойный голос удаляющегося батюшки.

– Вот так поговорили! – думает Михаил, глядя на закрытую калитку.

4.

Михаил возвращается на дачи явно в расстроенных чувствах. Уже на выходе из Борового решает, что пойдёт той дорогой, что отделяет военные лагеря от пионерских. Там она ещё немного петляет, затем заканчивается у ворот воинской части, а дальше – натоптанная за долгие годы узенькая тропинка, которая ведёт к самому большому мысу, что клином вдаётся далеко в Обское море. Эту-то тропинку и пересекает дорога лесника.

Уже идя по Зелёной дороге, перебирает события прошедшего дня:

– С Колькой и Витькой встретиться не удалось, и когда они снова появятся в Боровом – никто не знает, да и будут ли? Колька ведь может поступить в мореходку и тогда…. Тогда он там и останется. Значит, с Колькой они в этот раз уже больше вряд ли увидятся.

Серёжка…

Серый женился и, по-видимому, ему теперь не до Михаила… Значит, и с Сергеем теперь можно попрощаться, ну хотя бы на какое-то время, пока сам не захочет с ним встретиться.

Валя – сестра Сергея! Вот о ней-то он ничего не узнал. Надо будет в следующий раз всё же зайти к Сергею и расспросить об остальных… Нет, с Сергеем теперь с глазу на глаз не переговоришь, не те времена, – улыбается Михаил.

Батюшка…

– Ох, много должно было измениться после встречи с ним, – думает Михаил, – а что вышло?

А вышло, что батюшка ему, прямо скажем, совсем не поверил, да и сердиться нешуточно стал в конце короткого разговора.

Что уж это такое натворили эти сорванцы, что только при упоминании их батюшка так изменился? И кто тот старик, что сейчас по лесам шастает да кого-то или чего-то разыскивает, ведь никого из Рыбачего уже нет в живых? Так, может, его - Михаила? Да нет, как он может узнать про Михаила, тем более, что он уже пять лет, как не был на дачах, да и приехал он сюда совсем недавно. Нет, это точно отпадает. Значит, сумасшедший, так его вроде пытался представить батюшка со слов своей прихожанки.

Блин! А что делать теперь? Как быть со схроном? Иконы ведь кому-то надо передать?!

А кому?..

А как?..

С этими мыслями Михаил уже на закате и открыл калитку, что вела на дачи.

На дачах шумно…

Туда-сюда снуют нянечки в белых халатах, таская какие-то большие белые тюки из простынь, слышны детские голоса, и негромко играет музыка в репродукторах.

Автобусов уже нет.

Неожиданно у самого входа на кухню к нему сзади подбегает кто-то и хлопает его по бокам сразу с двух сторон.

- Привет, Миха! А ты что такой грустный?

Михаил поворачивается, чтобы посмотреть на того нахала, что только что оторвал его от размышлений, и краем глаза замечает старика, стоящего у калитки на тропинке, что ведёт из бора. Старик, оперевшись на распахнутую калитку, неотрывно смотрит на него.

– Да ты чё! Так зазнался, что и своих не узнаёшь? – делает шаг от него парнишка в новенькой спортивной олимпийке.

– А, Володя! Прости, сразу и не узнал, – говорит Михаил, протягивая ему руку, – богатым будешь…

Глава восьмая

СОН

Снилась ему какая-то нелепица, при этом звук то пропадал, то появлялся, а картинка плыла и превращалась то в цветную, то опять в чёрно-белую…

1.

Проводница вагона, мило улыбаясь, налила чашку кофе, затем разделась донага и тут же превратилась в старого, хромого деда, стала тыкать в него куриной ногой: – Кофе, ваш кофе, сэр!

Затем по-девичьи хихикнула, прикрыв лицо нежными, белыми руками и полезла на вторую полку плацкартного вагона.

– У, нехристи, им бы водку только жрать да баб щупать, – тявкала маленькая собачка на руках деревянной скульптуры, изображающей какого-то старика. Потом она срывалась с рук и бежала по вагону, забиралась на большую сосну, садилась на ветку и пару раз кукукнув, превращалась в сову:

– Иконы-то отдай, – каким-то незнакомым голосом кричала она Михаилу, по пояс провалившемуся в землянку. – Отдай сейчас же! Не твоё, не ешь…

Затем цвет пропадал, и из темноты в виде маленькой иконки со свечой в руке проявлялся лик деда Семёна, что с Рыбачего острова:

– Слово дал, держи. Тайна тайная, под семью замками, под семью печатями, под… семью семь - сорок семь!..

– Так сорок девять же? – возражал Михаил.

– Мал ещё дяденек учить! – скрипела могучая сосна, облачаясь в огромную рясу и сползая сверху вниз, превращалась в гриб, у которого появлялись маленькие ножки и тот лихо прятался в землянку, но тут же появлялся на вершине зелёного холма, и теряя в цвете, трансформировался в пустое, почти беззвёздное небо, а потом уж в лик деда Семёна.

Дед Семён с Рыбачего острова вдруг становился на костыли, цвет дёргался и менялся с чёрно-белого на цветной:

– Сам я, сам, нечего тебе без дела шататься да с бабами играться – иди работай. Бабам-то не верь, не твоё ишо время – обманут!..

– Ш-ш-ш… – шипела проводница в одних серееньких трусиках, выставляя свои упругие груди на показ. – Подуй на горячее, оно и остынет, верь мне… Люба моя…

Она проливала чай в какую-то лужу и растворялась в ней же, падая из кружки последней капелькой с каким-то: «Ах!» …

Чёрная покосившаяся церковь выплёвывала такого же чёрного батюшку, тот превращался в грозовое облако, а затем из него выпрыгивал чёрт и садился за столик:

– По маленькой, по граммуличке, – показывал он на пальцах Михаилу и тут же становился белым, как мел, и уже голосом Сергея: «И я брошу!» – поднимался из-за стола во весь свой богатырский рост и облачался в доспехи, которые стекали с него и таяли на столе в борще со сметаной.

– В картишки не желаете, лаете, лаете?..

Кто с косой расстался – без любви остался! – пел дьякон на клиросе, крестя высоченного Петра, а тот упирался в верхнюю полку и, икая, превращался в бабку Наталью, что тыкала маленького Мишку согнутым в костяшке указательным пальцем прямо в позвоночник:

– У, приёмыш, глаза б мои тебя не видели-идели-идили-диди-диди…

Дринь-динь динь – мелодично звенит маленький будильник у Михаила в головах.

2.

Михаил некоторое время лежит и слушает затихающий будильник, потом отрывает глаза и несколько теряется – где это он, что это за сумбурный сон?

За окном слышны детские голоса – это группы идут уже с завтрака.

Михаил подскакивает и смотрит на будильник, тот заведён на восемь часов, а уже десятый.

Быстро одеваясь и на ходу причёсываясь, Михаил бежит к умывальнику. Потом возвращается за полотенцем и зубной щёткой и снова быстро сбегает по ступенькам высокого крыльца.

Он проспал!

Уже умывшись, немного успокаивается, но сон из головы не идёт.

– Ох, надо заканчивать с бессонными ночами, надо отоспаться, а так и до белочек доживём, – снова причёсываясь и улыбаясь, думает он.

– А теперь к Ксении Ефремовне за разъяснениями – что, где, когда…

Снова бегом возвращается в радиорубку, бросает на незаправленную кровать полотенце и зубную щётку, так же быстро разворачивается и выбегает на крыльцо.

На крыльце стоит тётя Таня с упёртыми в бока руками:

– А я думаю, кто это у нас сегодня туда-сюда летает?! Что случилось-то, Миш, чего это ты в бега подался?

– Проспал я, тётя Таня! – чуть смущаясь, говорит Михаил.

– Чего проспал-то, говори толком, – уже улыбается тётя Таня.

– Да на работу опоздал.

– Э, солдат спит – служба идёт, сегодня вряд ли у тебя работа-то будет, Ксения Ефремовна в группы ушла, а, значит, там не всё ещё готово, не всё хорошо. Пойдём покормлю засоню… Вечером её только теперь и найдёшь, а уж там и поговоришь, – легонечко подталкивает она его в спину по направлению к маленькой столовой-кладовочке, что напротив радиорубки.

Прибрав комнату и заправив кровать, Михаил вышел на ступеньки крыльца и сладко потянулся - слава Богу, работа начинается не с опоздания, а лишний выходной никому не помешает…

Следом за ним из дверей кухни стрелой вылетает малец и ударяется в его ноги, быстро обегает его и, столь же ловко спрыгивая со ступенек, бежит по дуге в обход второго корпуса.

– Вася! Вася-я-я! Да догони ж ты его, сорванца такого! – переваливаясь по ступенькам, словно утка, следом за мальцом спускается и бежит тётя Шура, в руках у неё серенький полотняный мешочек с узелком на верёвке…

– Ожили дачи!

Ожило лето!

Ну теперь держись! – улыбается Михаил, глядя вслед скрывшейся за вторым корпусом тётей Шурой, после чего поднимается и идёт в радиорубку – надо поставить пластинку с детскими песнями и полчаса покутить музыку.

Впервые за лето зашипели радио колокола дачи и по всей территории, включая сосновый бор, разнеслось: «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку…»

Глава девятая

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ещё в ночь зарядил сильный дождь, и с утра на дачи хоть носа не показывай. По стеклу – вода, как будто там за окном кто-то непрерывно поливает из ведра, и через бесконечный поток струй даже контуры близь стоящей берёзы выглядят размыто. Металлический карниз окна гремит безостановочным стаккато.

Стаккато дождя…

1.

Михаил поднялся на второй этаж переговорить с Ксенией Ефремовной, как ему проводить занятия в группах, кода дождь, и на веранды детей не поведут.

– Не хочешь в группах проводить – не ходи, потом отработаешь, можешь сегодня отдохнуть, – спокойно говорит Ксения Ефремовна. – А если дождь и завтра, и послезавтра, тогда как быть? – улыбается она.

Понятно, значит работать в группах.

После завтрака Михаил зачехляет баян и надевает осеннюю лёгкую курточку, идёт в первый корпус к младшим и средним группам.

Игровая комната, в которой будут проходить музыкальные занятия в то время, когда их будет невозможно проводить на улице, имеет не очень большие размеры. Здесь много шкафов с игрушками, играми, детскими книгами, несколько небольших детских столиков и много маленьких детских стульчиков. Их как раз расставляет нянечка по всему периметру группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.